

Тори Ру

Выше стен

<https://litres.ru/74214804>

Аннотация

Регина. Мама вышла замуж, и у меня появилась надежда на лучшее будущее, а еще — новый дом, заботливый отец и загадочный сводный брат. Но я не могла предположить, чем обернется наше знакомство... *** Святослав. Когда оказываешься выброшенным на обочину, а все, что тебе принадлежало, в одночасье прибирает к рукам посторонняя глупая девчонка, как удержаться от соблазна испортить ей жизнь?

Книга издана в бумажном варианте.

Содержание

1 (Святослав)	4
2 (Регина)	10
3 (Святослав)	18
4 (Регина)	26
5 (Святослав)	32
6 (Регина)	37
7 (Святослав)	44
8 (Регина)	50
9 (Святослав)	58
10 (Регина)	69
11 (Святослав)	76
12 (Регина)	85
Конец ознакомительного фрагмента.	89

1 (Святослав)

Громкий шепот змеей вползает в теплый сон и до чертиков пугает меня.

Я вздрагиваю и онемевшей рукой нашариваю выключатель ночника. Тусклый свет выхватывает из темноты тесную комнату, картонные коробки в углах и завалы неразобранного шмотья.

Шепот за дверью перерастает в глухое бормотание, всхлипывания и плач — высокий и пронзительный.

Поднимаю с пола телефон и, щурясь, смотрю на время.
5:45...

В восемь утра мне нужно быть в шараге — по случаю первого учебного дня всех из-под палки сгонят в актовый зал и станут нудеть, как востребованы специалисты, окончившие наш колледж, как крупно повезло тем, кто пополнил его ряды в нынешнем году, какое светлое будущее нас ожидает... Хотя всем прекрасно известно, что это учебное заведение, расположенное на задворках, едва ли способно выдать туда билет.

Потом начнутся занятия, а после них я буду до полуночи пахать на толстого дядю-бизнесмена — гонять с блокнотом и подносом между столиками и услужливо улыбаться посетителям грязной тошнотной забегаловки, гордо именующей

себя рестораном.

Человек привыкает ко всему. И мне давно пора привыкнуть и смириться, но сама мысль об этом вгоняет в отчаяние и вызывает изжогу.

Я вздыхаю, разматываю наушники и затыкаю динамиками уши. Прибавляю громкость, но даже тяжеляк не может заглушить вопли и мат мамы.

Все-таки мои родители — конченные уроды.

— Мать вашу, дайте поспать!!! — ору я так, что взрывается мозг, хватаю первое, что попало под руку — альбом со старыми семейными фотографиями, в который я зачем-то весь вечер пялился, — и со всей дури запускаю в дверь.

Шелестя, по комнате разлетаются ворохи цветных картинок из счастливого прошлого. Альбом врезается в мутное рифленое стекло и, отскочив, падает.

Действие имеет эффект — телефонные разборки матери и отца временно прекращаются.

Аллилуйя... У меня есть еще два часа сна.

Каждое утро я довожу себя до состояния пугала: отыскиваю в завалах самые мятые шмотки, напяливаю их и взлохмачиваю волосы. Я просто хочу, чтобы ко мне не лезли.

— Славик, чай или кофе? — виновато пищит мама из кухни, но я молчу.

Мне ничего не нужно.

Под горло застегиваю черную растянутую толстовку, за-

бираю со стула рюкзак и прямо по безучастным глянцевым улыбкам шагаю к двери. Спohватившись, в последний момент поднимаю из вороха одно фото и прячу его в наружный карман.

— Слава, не выспался? Прости, так уж получилось. — В прихожей мама упирает руки в бока, в голосе проскальзывают стальные нотки. — А по-твоему, я должна была промолчать? Он даже тарелки из сервиза забрать вознамерился: видите ли, шлюхе и ее доченьке нужен антиквариат! Будто эта обезьяна из икеевской посуды не поест!..

По сердцу что-то больно царапает, и я скриплю зубами:

— Он два года о нас не вспоминал. За каким ты вообще ему перезвонила?!

Я прохожу мимо матери, завязываю на два узла шнурки на берцах и вываливаюсь в подъезд. Без куртки и зонта. Плевать, что на улице ливень.

Может, подхвачу какую-нибудь заразу и сдохну.

Шарага находится прямо в соседнем дворе — за ее стадионом с растрескавшейся асфальтной дорожкой и ржавыми тренажерами начинается заросший, уже лет сто никому не принадлежащий сад, плавно перетекающий в заброшенный дачный массив. Ну а дальше от всего мира глухими стенами отгородился «Квартал для нищих» — так в городе называют элитный коттеджный поселок, где я когда-то жил.

У входа в колледж, попав в традиционную пробку, под дождем толпятся бледные зомби — студенты.

— Свят, здорово! — хрипит Сева — быдлан из моей группы, вечно на позитиве, и я пожимаю протянутую для приветствия руку. Потом пожимаю еще, и еще, и еще одну. Девчонки топчутся в стороне, стреляя глазами, и загадочно мне улыбаются.

Я здесь на хорошем счету: отличник на стипендии. Но не гнобят меня лишь по одной простой причине: я все еще считаюсь мажором. Отбитым чудиком, который почему-то бросил гимназию и не пошел в универ, и которого лучше не трогать.

Оказавшись в холле цвета гнилого болота, я стягиваю с башки капюшон и, не поднимая ее, иду в актовый зал, где занимаю место в последнем ряду. Недосып дает о себе знать головной болью и ознобом, мокрая толстовка липнет к спине и плечам, глаза слезятся от слишком яркого света гудящих под потолком люменов.

Стоит гробовая тишина — окружающие находятся примерно в такой же кондиции: кто-то спит, кто-то жует не спасающую от похмельного перегара жвачку, кто-то тупо уставился на сцену и впал в анабиоз под стук дождя.

Внезапно из колонок раздается пронзительный свист и торжественная музыка. Я подпрыгиваю, сдавленно матерюсь и глубоко вдыхаю, справляясь с испугом.

Сева падает на свободный стул рядом и, стараясь перерогать какофонию, сообщает:

— Вот суки! Я чуть инфаркт не хватанул! — Его прото-

кольная рожа расплывается в блаженной улыбке. — Ну лан, ща директриса заглохнет, и перваков заведут. Баб заценим!

Я ухмыляюсь и откидываюсь на скрипучую жесткую спинку. Девки — это хорошо. Пусть самые красивые и умные из них остались там, в стенах элитной гимназии, а здешние интересны лишь до тех пор, пока не откроют рот, но передо мной замаячила надежда хоть на какое-то развлечение посреди дерьмового дня.

Директриса брызжет слюной в микрофон и захлебывается от счастья, в очередной раз пытаюсь внушить равнодушному сборищу внизу, что все мы — избранные, заглядывает в папку и, коверкая фамилии, приступает наконец к «десерту».

— Антонова Анечка! — объявляет она, вручая растерянной девчонке в очках студенческий, и Сева подается вперед, но тут же сникает.

— Чёт жирная...

— Есть такое дело... — Для порядка я сочувствую его горю и теряю к происходящему интерес. Набрасываю капюшон и закрываю глаза: нужно поспать перед очередным адским вечером.

Но директриса называет следующее имя:

— Гафарова Регина!

Что-то вновь царапает по сердцу, заставляя меня посмотреть на сцену.

Вспорхнув по ступенькам, на пыльном ковре появляется худая деваха в черных круглых очках, черной длинной ру-

башке и драных колготках. Она улыбается черными губами, поправляет за узкие поля шляпу, наматывает на палец прядь розовых волос и картинно раскланивается.

Я сжимаю кулаки.

Она получает студенческий билет, делает книксен, машет публике ручкой...

Остекленевшими глазами наблюдаю за ее ужимками. Скулы сводит, как при отравлении. Я не могу дышать.

— Глянь, Святик! А вот эта потянет под пивко... — комментирует Сева.

С грохотом отодвинув стул, я встаю и быстро покидаю зал.

2 (Регина)

Стук миллионов капель за окном сливается в монотонный гул. Сладко потягиваюсь, кутаюсь в мягкое одеяло и улыбаюсь, ликуя от ощущения небывалого комфорта. Я во все глаза рассматриваю комнату — мою собственную, персональную, отдельную комнату!

Просторную и уютную, как и весь дом, в который мы с мамой наконец переехали.

Вылезаю из постели и, спотыкаясь в полумраке о неразобранные сумки и коробки, обхожу по периметру пока еще не ставшую родной спальню, задерживаясь у каждого населяющего ее предмета — шкафа, тумбочки, лампы, стола...

Отодвинув штору, я слежу за дождинками, медленно ползущими по стеклу.

За окном занимается тусклый рассвет, мутным пятном зеленеет газон, рассеченный серой садовой дорожкой, а в трех метрах от нее из земли вырастает глухая кирпичная стена, скрывающая остальной вид, — угрюмая и мрачная, наверняка в ясные дни она заслоняет даже солнце.

Мне же эта стена гарантирует полную изоляцию и защиту от окружающего мира — незнакомого города с лабиринтами сводящих с ума улиц.

Города, куда сегодня мне предстоит выбраться.

Мама и ее муж Андрей завтракают в столовой, раза в два превосходящей по метражу съемный угол, где мы ютились раньше. Хотя большую часть времени я проводила в нем одна: мама с труппой актеров областного театра постоянно пропадала на репетициях и гастролях.

Сколько себя помню, мы жили бедно, но мама старалась разнообразить окружающую обстановку: развешивала на стенах афиши и яркие картины, созданные ее друзьями, заполняла свободные пространства необычной мебелью, вазами и сувенирами.

Но они ни черта не спасали от одиночества меня — особенно когда я возвращалась из школы униженной, оплеванной, а то и избитой, и грела в микроволновке обед, глотая слезы.

Мамины друзья по училищу искусств постоянно заваливались к нам — разучивали сценарии, пели, спорили и травили сигаретным дымом плетеный абажур под потолком, а я внимала им, раскрыв рот.

Это они научили меня примерять самые разные роли и вживаться в них.

Я кажусь многим странной, и никто не догадывается: чем мне страшнее, тем сильнее я кривляюсь и паясничаю. Потому что в панике перестаю понимать правила игры.

От мамы мне передалась тяга к прекрасному и нестандартный подход к вещам: я сама шью свои сумасшедшие наряды и крашу волосы в сумасшедшие цвета.

А от папы — взрывной характер. Ну и... отклонения.

Мама и отчим рассыпаются в приветствиях, выдвигают третий стул, и я с воодушевлением принимаюсь за мамин кулинарный шедевр.

Я тороплюсь и давлюсь, но мама смотрит на меня как на сокровище. Хотя я — то еще сокровище: тупая, вспыльчивая, ненормальная, потому и не смогла продолжить учебу в школе и, как следствие — распрощалась с мечтой о высшем образовании.

Спасибо Андрею — пристроил меня в местный колледж.

Если бы не мое поступление, он бы, вероятно, так и не уломал маму переехать к нему.

Тайком бросаю взгляд на отчима — острые скулы, серо-голубые ледяные глаза, широкие плечи и длинные пальцы... Несмотря на возраст, Андрей остается сногшибательным красавцем. Но сегодня он бледен и слегка напряжен из-за позднего звонка своей бывшей.

Да, пялиться на мужа мамы плохо, но я не могу равнодушно пройти мимо настоящей красоты людей, вещей, явлений...

Мама льнет к Андрею, гладит его по руке.

Маму можно понять — этот человек возник в нашей жизни, когда новый главный режиссер вышвырнул ее из театра. Благодаря Андрею нам не пришлось долго перебиваться макаронами и маринованными помидорами из запасов почившей соседки по комнате — он, словно принц на белом коне,

вытащил маму из нужды, окружил заботой и всячески поддерживал на протяжении последних лет.

А я шла к ней довеском. Беспокойным и вечно находящим на собственную пятую точку массу проблем.

— Регин, может быть, Андрей тебя все же подбросит?.. — умоляет мама, и отчим кивает:

— Не стесняйся. Мне нетрудно! Ты пока плохо знаешь город, нам так будет спокойнее.

Но я твердо стою на своем:

— Я сама доберусь! Не хватало еще, чтобы в колледже надо мной начали смеяться...

— Регина, ты совершенно нормальный, полноценный человек! Никогда не забывай об этом! — с жаром убеждает мама, и я поспешно выбираюсь из-за стола.

В комнате я пытаюсь сохранить присутствие духа, но паника сворачивает желудок болезненным спазмом — мне нужно отвлечься.

Нарезаю круги от окна до двери, тяну на себя створку встроенного в нишу шкафа и застываю: в нем полно вещей. Обожаю их — даже самые скучные и немодные при помощи швейной машинки могут превратиться в стильный эксклюзив.

Углубляюсь в залежи на полках — одежда на них сплошь дорогая, клевая. Но мужская.

Наверное, она принадлежит парню, который здесь раньше

жил. У Андрея есть сын, но отчим предпочитает о нем не говорить и сводит на нет все расспросы.

Я нахожу офигенное черное пальто и тут же набрасываю поверх наглухо застегнутой рубашки. Рискую опоздать в первый учебный день, долго верчусь перед зеркалом — посылаю отражению воздушные поцелуи, выпадаю из реальности, забываю обо всем.

Пальто скрывает татуированные бедра, болтается на мне, как на пугале, но выглядит стильно. И пахнет так приятно, что затуманиваются мозги.

Размазываю по губам помаду самого темного оттенка бордового, фотографирую свое отражение, закидываю в соцсеть и направляюсь к выходу.

Из коридора машу маме и Андрею, доказывая прежде всего себе, что ничуть не волнуюсь, что все будет хорошо...

Я без происшествий добираюсь до остановки. А потом — через ряды безликих одинаковых многоквартирных домов — до колледжа.

Обворожительно улыбаюсь хмурым студентам, хотя коленки дрожат.

Внутри колледжа совершенно ужасно: мрачно, темно, поверх мутной облупившейся краски развешаны плакаты с изображением электроцепей и непонятных деталей в разрезе, жутко воняет сыростью.

Люди тоже странные. Тут нет обязательной для всех формы, но все всё равно одеты почти одинаково. На меня враж-

дебно прялятся.

Чтобы унять вернувшееся ощущение собственной чужеродности, я надуваю пузырь из малиновой жвачки, громко лопаю его и развязно направляюсь к стае девчонок — те рас-терянно пятятся назад, но вовремя одумываются и замира-ют, а девушка с черными широкими бровями хищно улыба-ется мне:

— Солнышко достало? — Она указывает пальцем на очки на моем носу. — Ты вообще кто?

— Гафарова Регина Амировна, — вальяжно представля-юсь и снова щелкаю пузырем. — С первого курса.

— Я тоже! — умерив гонор, отзывается девушка и при-щуривается: — Регин, у тебя сиги есть?

— Так точно.

— Котова Катя. Кэт, — удовлетворенно кивает она и под-зывает своих подруг: — Это Регина, девчонки. А это — Да-ша и Мила. Очень приятно. Будем дружить?

Чавкаю жвачкой — я рада такому повороту, хотя тут же забываю, кто из них кто.

Стою в рекреации у актового зала и верчу в руках новень-кий студенческий билет. Провожу пальцем по твердой ко-рочке и всхлипываю — не могу поверить, что я теперь сту-дентка. Возможно, когда-нибудь из меня все же выйдет тол-ковый человек.

И тут же спохватываюсь — до собрания нас организован-

ной толпой препроводили в аудиторию на первом этаже и повелели на время оставить в ней вещи. Весь курс давно уже вернулся туда!

Я со всех ног бегу вниз, но коридор причудливо изгибается, вилает, ответвляется, заводит в тупики. Кружится голова, отчаяние бьется под ребрами, за черными стеклами на глаза наворачиваются слезы.

Где эта чертова сто первая?

Шарю ладонями по стенам, останавливаюсь, перевожу дух и прихожу в себя — вот же сто пятая, значит, нужный мне кабинет через одну дверь!

Мозги наконец включаются.

Считаю до десяти, вламываюсь в гулкую, просторную аудиторию и нахожу девчонок — та, что с бровями, Кэт, вполне мило улыбается мне. Сажусь рядом — прямо на парту, и она протягивает мои пальто и рюкзак:

— Вот. В целости и сохранности! Принимай.

Даша и Мила быстро переглядываются и криво усмеваются.

В душе зарождается смутная тревога — именно с таким выражением на лицах надо мной издевались одноклассницы из проклятой и навечно забытой школы... Пока в четвертой четверти девятого класса я не превратилась в самую отможенную девицу в параллели.

Боль и обида привычной беспомощностью сковывают руки, но я широко скалюсь, снимаю очки и в упор смотрю на

Кэт:

— Уже свистнули сиги и кошелек? — Уверена на двести процентов, что они сделали это, и наношу упреждающий удар: самое время показать им, кто самый отбитый в группе. — Я же вас закопаю! Ну, или мой папаша.

Кэт тут же дергается, ее подруги бледнеют и отводят взгляд:

— Регин, ты чего... мы не брали! Может, ты их потеряла? Поищи еще... Мы правда не брали!

— Да ладно, не бойтесь... — Я безмятежно и от всей души хохочу, хотя ладони предательски вспотели.

Нельзя, чтобы безголосая ненормальная дурочка, инопланетянка, все еще сидящая глубоко во мне, вылезла наружу. Нельзя уходить на дно. Я должна играть эту роль до конца, иначе...

Указываю на старую разохшуюся дверь и громко выдаю: — Девки, а спорим, что первый, кто войдет в аудиторию, через месяц будет бегать за мной, как собака?

Я не успеваю договорить — дверь распахивается, и в аудиторию вваливаются ребята-старшекурсники. Вошедший первым высокий парень в мятой толстовке застывает на пороге и странно пялится на меня.

3 (Святослав)

Лишь в пятом часу я наконец выбираюсь на свежий воздух и иду к курилке — мне надо как можно скорее под завязку накачать организм никотином. Дерьмовый день и продолжился дерьмово: вместо занятий куратор устроила нам чаепитие с тортиком. Предполагалось, что каждый под это дело расскажет, как провел лето, но разговор не клеился. Потому что многие одноклассники без мата не могут связать и пары слов и всем просто пофиг друг на друга, а методы кураторши по установлению контакта с молодежью устарели лет на сорок. Лучше бы плеснула в чашки водки, глядишь, общение пошло бы гораздо живей...

Я усмехаюсь. Нынешний учебный год объявили в шараге «годом семьи, любви и верности», растянули в холле криво нарисованный лозунг и оперативно подготовили стенд с семейными фотографиями отличников — я тоже теперь красуюсь на нем. С мамой и папой, усиленно создающими видимость мира и благополучия. Три года назад, когда то фото было сделано, родители еще пытались эту видимость создавать.

Ливень прекратился, но мелкая изморось оседает липкой пленкой на лице, голова уже не трещит, она раскалывается, потому что весь день я ломаю ее в тщетных попытках понять: какого лешего здесь забыла эта шаболда?

Просто совпадение?

Проснувшаяся паранойя услужливо подсказывает: таких совпадений не бывает. Дочка отцовской шлюхи не могла прийти в шарагу просто так, учиться.

Резкий порыв ветра насквозь продувает толстовку, плечи ломит от холода и адского недосыпа, я шагаю к горе строительного мусора, выросшей у стены спортзала, и заплеванной урне возле уложенных в штабеля досок.

Сажусь на них, достаю из рюкзака пачку сигарет и тупо верчу в руках.

После собрания я наткнулся на нее еще раз — в аудитории, где растерянные перваки ждали от преподавов дальнейших указаний.

Сева, вломившись туда, бурно возрадовался, раскинул грабли и двинулся на новеньких, и девахи брызнули в разные стороны, как испуганные кошки из помойки.

Только Гафарова, с достоинством проходя мимо, подняла на меня пьяные ненормальные глаза и подмигнула, хотя это больше походило на нервный тик.

Я кашляю в кулак, прикуриваю сигарету и глубоко затягиваюсь. В мозгах тут же проясняется.

Мама с упорством сталкера следит за ней и ее матерью и рассказала много красочных подробностей про их моральный облик, но все, что я слышал, делил в уме на десять. Может, зря.

Скорее всего, разгадка на поверхности: папе просто в оче-

редной раз не повезло с ребенком, новая дочка оказалась настолько отбитой дурой, что больше нигде не пригодилась. А в нашу шарагу гостеприимно принимают всех.

Вместе с дымом из груди высвобождается тревога и улетает в серое небо.

Да и черт бы с ними со всеми.

Отправляю бычок мимо урны, собираюсь с духом перед предстоящей сменой на работе, но краем уха ловлю голоса из дамской курилки — за углом кирпичной стены, где в кустах установлены лавочки, слышится возня и истерические смешки.

— Кто-о-о??? — Моя одноклассница Вера, особа с зачатками мозга, громко и встревоженно шепчет: — Тот, в худеке который? Рябинин?

Я вытягиваю шею и превращаюсь в слух.

— Наверное... — робко соглашается кто-то, и Вера соболезнует:

— Да, точно он. Святик. Святоша. Ну что могу сказать — попала ты, Регин. Качественный парень, но «ни-такой-как-фсе». Много кто подкатывал — всех отшивает, зараза. Или убежденный девственник, или импотент, или гей...

Щелкает пузырем жвачка, и третий голос самодовольно заявляет:

— Это мы еще посмотрим! Удваиваю ставки: через месяц он не только признается мне в любви, но и девственности лишится. Со мной. И доказательства будут — я вам видео

покажу!

Пару секунд я тихо охреневаю и даже вскакиваю на ноги, чтобы свернуть за угол и навести там шороху, но девки покидают курилку и, продолжая что-то оживленно обсуждать, по разбитой дорожке направляются к воротам.

Последней тащится младшая сестра Веры, а перед ней вышагивает Гафарова. В моем пальто...

Меня сложно вывести из себя: за многие годы тренировок уровень самоконтроля почти достиг совершенства. Но сейчас я готов догнать ее и отвесить хорошего леща. Пульс грохочет в ушах.

Я не в порядке.

Знаю, что являюсь в шараге предметом сплетен, но до такого скотства никогда не доходило.

Сплюываю под ноги и достаю новую сигарету.

Что она творит? Зачем? Ей мало всего, что она за мой счет уже имеет?

И внезапная догадка тут же превращается в нерушимую уверенность: эта дура не знает, кто я. Да и не может знать... мы ни разу не видели друг друга. Отец давно вычеркнул нас из жизни, а все фотографии я, покидая его дом, забрал с собой.

В туго соображающих мозгах оживают сонные мысли.

А это даже весело.

Было бы. Если бы мне не было так тошно.

Но я усмехаюсь:

— Что ж, Гафарова, посмотрим, что же ты предпримешь, какие доказательства им предоставишь.

Особенно учитывая, что «листву» я давным-давно сбросил.

От вибрации в кармане я прихожу в себя, кошусь на экран смартфона и подношу его к уху — мама на проводе.

— Слав, представляешь, он все-таки явился. Забрал фарфор, и я ничего не смогла предпринять... — завывает она, наверняка заламывая перед зеркалом руки. — Если бы ты был дома, он бы не посмел сунуться! Не посмел бы посмотреть тебе в глаза, потому что трус и знает, что виноват!

Я завожусь, но предусмотрительно считаю до десяти и пропускаю часть маминой тирады мимо ушей.

— Я не хочу прогуливать учебу, мам. Дались тебе эти тарелки... Пусть подавится ими.

— Да, да. — Мама сбавляет тон. — Слав, ты уж набери мне перед тем, как закончишь смену и выйдешь с работы. А то я переживаю. Только не забудь!

— Хорошо, не забуду! — заверяю я и отключаюсь, не в силах сдержать нервный смех.

Конспираторы хреновы. Я давно в курсе, что мамой движет не беспокойство о сыне, которому предстоит за полночь добираться до дома, а меры предосторожности — боится быть застуканной за интересным занятием с Валероном, охранником из ТРЦ, в который она часто заходит.

Да, моя мамаша ничуть не лучше отца, и ночной скандал

с тарелками — лишь повод помотать друг другу нервы. Тарелки эти антикварные, и отец, в честь переезда, хотел подарить их своей Наташе: та любит старинную лабуду. Только из-за этого мать позвонила отцу в пять утра, разоралась и не дала мне нормально поспать. И наверняка выторговала за них деньги, которые спустит на косметику и посиделки с придурком Валерой.

Дерьмовый день просто не мог окончиться не дерьмово — на работу я безбожно опоздал.

На ходу стягиваю толстовку, вешаю ее на крючок в шкафу, завязываю фартук и хватаю блокнот и ручку.

Пять часов я наматываю километры из холода открытой площадки до адского раскаленного нутра кухни, петляю между столиками, принимаю заказы и уношу пустые, изгвазданные жиром тарелки. Я ненавижу людей, всех до одного — чавкающих посетителей и их орущих детей, потного борзого шеф-повара и коллег-идиотов, ненавижу звон посуды и стук вилок, и веселую музыку, гремящую из-под потолка. Голова вот-вот взорвется, и все, чего я желаю, — сдохнуть.

Сегодня все идет наперекосяк.

Принимаю заказ у худой силиконовой телки, забираю меню, но краем папки задеваю стакан, стоящий на столе. Вода проливается на ее колени, телка раздражается визгом и проклятиями, в истерике переходит на ультразвук.

Когда-то передо мной, богатым и перспективным мальчи-

ком, все расшаркивались, и жизнь улыбалась, обещая быть вечно счастливой и беззаботной. Но она изменилась — превратилась в такую же стерву, из-за пустяка унижающую и орущую оскорбления в лицо. А мне теперь приходится терпеть.

Я смотрю на телку — молча, долго. А потом посылаю на три буквы.

Управляющий кое-как улаживает конфликт, приносит извинения и в назидание отправляет меня за заказом. За счет заведения. За мой счет: это вычтут из моей зарплаты.

Черт бы побрал матушку, которая, истратив все отцовские отступные, упорно продолжает ходить в салоны и дорогие магазины и не желает признавать, что прежнюю жизнь я, даже горбясь на десяти работах, никогда ей не обеспечу. Черт бы побрал отца...

В коридорчике между кухней и посудомоечной я прислоняюсь к прохладному кафелю, набираю в рот побольше слюны и от души харкаю в латте, уже представляя, как буду широко улыбаться, услужливо расставив перед нервной телкой столовые приборы и еду...

Но вечер окончательно перестает быть томным: управляющий видит это и орет трехэтажным матом.

Черный фартук повисает на стуле, а я уволен — набрасываю на башку капюшон толстовки, забираю рюкзак и на гудящих ногах выхожу в холодную тихую ночь.

4 (Регина)

Мучили нас еще долго — собрав в аудитории, нудно и подробно рассказывали о том, как в колледже проходит учебный процесс.

Но все напутствия улетели из головы, так меня и не застав. Глядя сквозь заляпанное стекло на пустой стадион и колья забора, я пыталась продумать план действий.

Итак, у меня появилась цель: во что бы то ни стало прилипнуть к тому сероглазому парню. Да, я не знаю, как к нему подступиться, и до дрожи в коленках трушу, но этот страх — ничто по сравнению со страхом пустоты, одиночества, грозы и смертельной скуки.

Я так боялась заплутать и сгинуть в дебрях нормальной жизни, но рядом с ним наверняка не потеряюсь из виду — он внушает доверие и будит в душе странный трепет.

— А кто твой отец? — пискнула сидящая рядом Мила и шумно выдохнула — видимо, вопрос этот мучил ее с самого утра.

Я тут же включилась в игру:

— Бандит.

Мне и врать-то не пришлось: мой папа действительно преступник, только вот никого из обидчиков дочери закапывать он не станет, так как уже больше десяти лет мотает срок на зоне по ряду тяжких статей.

И соседка по парте, стрельнув в мою сторону покрасневшими испуганными глазами, сбивчиво зашептала:

— Регин, послушай, я ни при чем. Твои вещи Катя взяла. Ты мне веришь? Мы с ней раньше в один класс ходили. Она стерва, но ее друзья — самые опасные типы на районе. Ты ее разозлила. Из-за вашего спора она теперь ни за что не успокоится! Слушай, у меня сестра, Вера, с тем парнем в одной группе учится. Хочешь, после занятий перетрем с ней в курилке?

— Пока! — Привстав на цыпочки, я воодушевленно машу Миле и ее сестре Вере, усиленно делая вид, что держу все под контролем.

А под ногами разверзается земля.

Хочется с разбегу стукнуться башкой о стенку: дернул же меня черт еще сильнее усложнить свою и без того беспокойную жизнь!

Потому что объект спора — сероглазый «Святоша» — скорее всего, окажется огромной занозой в заднице. И, если бы не уговоры девчонок отступить и отказаться от задуманного, я бы ни за что не пошла ва-банк!

Нахожу в кармане пальто темные очки, водружаю их на нос — глаза бы мои не глядели на этот мир и заплаканный, смазанный в реальности день, — и смело шагаю за ворота колледжа.

Не выпуская из поля зрения ориентиры — таблички с но-

мерами домов и названием улицы, — я, задыхаясь и утирая пот со лба, добираюсь наконец до остановки. И мозги включаются.

Зная трусливую двуличную натуру Милы, Кэт наверняка уже в курсе моего выпендрежа в курилке и довольно потирает лапки. Теперь отступать некуда — у меня есть ровно месяц на то, чтобы раскрутить Святошу на признание в любви и секс. Я должна буду в лепешку расшибиться, но представить общественности доказательства. В противном случае оболочка отмороженной девицы улетучится, и я окажусь незащитной...

Вот только как я это сделаю???

Растерянно переступаю с ноги на ногу. Голова кружится. Судорожно пытаюсь припомнить, что же двигало мной в моменты, когда я в дурном азарте билась об заклад, но не могу.

Господи, что я вообще творю?..

Проступают едкие, бессильные слезы.

С остановки меня забирает мама — в кои-то веки я могла бы не тревожить ее по пустяку, но Кэт слямзила последнюю сотню, не оставив денег даже на проезд. Сотню не жалко, жаль кошелек ручной работы, купленный мамой и Андреем на блошином рынке в Париже — я сама обвязала его кружевом. Он был красивым.

Всхлипываю и на негнущихся ногах ковыляю за мамой: до коттеджного поселка полчаса прогулочным шагом, и мы гуляем, вдыхая влажный вечерний воздух.

— Не расстраивайся. — Мама останавливается, заправляет мне за уши розовые патлы и поправляет шляпу, и я вдруг начинаю реветь. — Такова жизнь — потеряла тут, значит, в другом месте приобретешь! Не переживай из-за этого, ладно? Никогда ни о чем не жалею! Скоро все наладится...

Я киваю.

Я люблю свою маму, вижу в ее глазах огромное беспокойство и тут же отвожу взгляд.

Почему я такая, почему не могу быть нормальным человеком и поступать правильно?!

Поджав ноги, я сижу на мягкой кровати и пялюсь в экран ноутбука, лежащего на коленях. Ладонь греет огромная чашка с изображением Дарта Вейдера — в ней притаился черный, как ночь, кофе, а тусклый светильник отвоевал у настоящей черной ночи кусочек уюта.

Закусив губу, упрямо ищу в интернете любые упоминания о Святоше, но у этого кадра, похоже, нет страниц в соцсетях, и нет никакой возможности узнать, с кем он дружит, чем живет и интересуется.

И какую роль рядом с ним мне придется играть.

В сердцах грохочу чашкой о тумбочку и сбрасываю с плеч плед. Оглядываюсь, и притихшие предметы, совсем недавно ставшие мне друзьями, обступают меня в молчаливом сочувствии.

Придется импровизировать, а я в этом не сильна.

Встаю и иду к окну, влезаю на подоконник, прислоняюсь лбом к прохладному стеклу.

В мертвом дачном массиве воют одичавшие собаки, ветер шуршит кронами тополей, столпившихся над заброшенными участками, где-то вдали шумят моторами машины.

Свет окна родительской спальни выхватывает из маслянистой тьмы часть стены неприступного забора — ровные ряды кирпичной кладки.

Взгляд скользит выше — а там... небо. Сияющее миллионами звезд.

Перехватывает дыхание, учащается пульс.

Возможно, мальчик, живший здесь когда-то, черными глубокими ночами тоже смотрел в это небо. О чем он размышлял в оглушающей тишине, о чем мечтал?

Мне кажется, мы могли бы понять друг друга: ведь вещи, некогда принадлежащие ему и оставленные здесь, так красивы.

Прерывисто вздыхаю, но неясное томление в груди не позволяет избавиться от нехватки воздуха.

Когда-нибудь мы встретимся и внесем в жизни друг друга новые краски.

Я много думаю о будущем: вижу его в деталях, верю, что все сложится хорошо, что я, как и мама, наколдую себе счастье.

Что найдется кто-то такой же надежный, как эта стена, похожий на маминого мужа... И мне больше не пригодится обо-

лочка отмороженной пофигистки, не нужно будет бояться одиночества и незнакомых мест — ведь он никогда не оставит меня одну.

А если ты не один — тебе все по силам!

Провожу ладонью по стене и выключаю свет.

Мир погружается во тьму, лишь звезды загораются ярче, пронзая зрение ледяными сверкающими иглами, а душу и сердце — ожиданием чего-то неведомого и нового, зовут за собой, безмолвно кричат о том, что все мы — часть вселенной.

Я снова плачу. В этот момент я люблю весь мир. Пусть в нем сплошной кавардак и засада, пусть я не понимаю его законов, но чувствую себя как никогда живой.

5 (Святослав)

Отщелкиваю в темноту окурок и смотрю на экран смартфона — карьера мальчика на побегушках бесславно оборвалась на два часа раньше окончания смены, и мне некуда идти.

Я мог бы заявиться домой, устроив внезапную радость матери и ее дорогому гостю, но слушать вопли и нытье, какой я никчемный, совершенно не хочется.

Прячу руки в карманы и иду к остановке, на ходу запрыгиваю в заднюю дверь последнего автобуса, занимаю место у окна и вставляю в уши наушники.

Адский тяжеляк очищает голову от ненужных мыслей, глаза закрываются, и я откидываюсь на спинку сиденья. Сновидения успевают мелькнуть разноцветным кислотным ковром, но кондуктор трясет меня за плечо и объявляет, что уже конечная.

Покорно вываливаюсь наружу, и тишина со звоном обрывает куплет на полуслове. Смартфон безвременно сдох. Матерясь, я бросаю его на дно рюкзака и осматриваюсь.

Меня обступают черные стены домов так и не ставшего родным двора, кривые деревья и фонарные столбы.

В шараге горит дежурный свет, у тренажеров мелькают точки зажженных сигарет и тени местных стремных типов.

Не реагируя на их окрики, прохожу мимо и ныряю в про-

ем между отогнутыми прутьями забора. Я оказываюсь в дикой природе — воздух пахнет сыростью, мокрая трава с хлюпаньем пружинит под берцами, ветки низкорослых садовых яблонь цепляются за рюкзак и толстовку.

Через сотню шагов старый сад сменяется пустырем, впереди маячат белесые стены заброшенных домиков дачного массива, и я ускоряюсь, почти бегу. Ветер толкает меня в спину и мгновенно подлетает к черному небу, разнося по окрестностям эхо собачьего лая.

Вокруг никого, горожане предпочитают обходить эту местность десятой дорогой.

Однажды, в конце девятого класса, мы с моей девчонкой Яной слиняли с уроков и напились здесь до поросычьего визга. Нас искали до самого утра, а когда нашли, мало нам не показалось.

Мой папаша орал так, что чудом не словил insult, и мать в первый и единственный раз вступила с ним в коалицию. Они в один голос твердили, что гулять по заброшенным дачам опасно. Будто пьяные ночные заезды без водительских прав, дурь и сладкий дым кальянов были менее опасными для моего здоровья.

Я усмехаюсь:

— Ну и где вы сейчас со своей заботой?

В кустах кто-то шарится, сквозняки грохают и скрипят трухлявыми дверями, жилой микрорайон урчит и перемигивается холодными огнями далеко позади. Заросшая тропинка

ка принимает вправо и вверх — я взбираюсь на холм и натываюсь на кирпичную стену крайнего коттеджа.

«Квартал для нищих» возник на городской карте еще до моего рождения — внезапно разбогатевшие люди вкладывали капиталы в недвижимость, соревнуясь между собой в крутизне и богатстве. Но многие дворцы так и остались недостроенными: кому-то не хватило миллионов, кому-то — жизни...

Неприступный и поражающий воображение замок, выросший на холме у дач, ждала та же незавидная участь: строительство забросили, а трехметровый массивный забор потихоньку растаскивают на кирпичи для мангалов и бань, в одном месте разобрав почти до основания.

Сквозь крапиву и бурьян я продираюсь к руинам — плюю на ладони, подтягиваюсь, оказываюсь на остатках кладки и поднимаюсь наверх.

Встаю во весь рост, и кружится голова — я нахожусь на самой высокой точке города, впереди, как на ладони, пролегли ровные линии улиц коттеджного поселка с аккуратно подстриженными газонами и заборами вдоль задних дворов, слившихся в единую монолитную стену, и бескрайнее поле за ними.

Снимаю с плеч рюкзак, роняю у ног и сажусь на кирпичи, роюсь в карманах, прикуриваю от отсыревшей спички и затягиваюсь горьким дымом.

Я сижу над миром, поделенным стеной на мир богатых

и бедных, наблюдаю за сизыми завихрениями и умираю от скуки.

Там, внизу, в обоих мирах, люди спят, устав от ежедневной будничной возни, проблем и борьбы за место под солнцем. Никто из них никогда не полетит на Луну, не повернет время вспять, не излечит мир от войн и болезней.

Мне не нужны их примитивные радости — я один. Одиночки сильнее. Потому что они ни от кого не зависят.

Прищурившись, пытаюсь разглядеть вдалеке дом, где жила Яна. Ее я мог слушать часами, раскрыв рот, — сердце бешено стучало, и мозги коротило. Я любил ее как ненормальный.

Последний школьный год прошел в сплошном сумасшедшем угаре: мы обжимались по углам прямо в коридорах гимназии, за что регулярно получали по башке от учителей и директора, убегали с уроков и трахались, пока родителей не было дома, ни на минуту не отлипали друг от друга и не видели никого вокруг. Пока все разом не рухнуло.

В глаза попадает дым, я моргаю.

Теперь она далеко: учится в престижном столичном вузе, а все, что осталось мне, — мониторить ее соцсеть и не спать ночами, сгорая от чистой ненависти к себе.

Кроны тополей шумят желтеющими листьями, вновь раздается собачий лай.

Я сдаюсь и перевожу взгляд на коттедж, притаившийся у подножья холма, — не самый шикарный, но в нем я рос и

строил планы на будущее, засыпал под вопли и звон разбитой посуды, ни о чем не думал и был счастливым.

Боль снова режет по сердцу: в моем окне горит тусклый свет.

Эта мразь, ставшая объектом обожания и заботы папаши, там уже обустроилась, окончательно вышвырнув меня из моей собственной жизни.

Я задыхаюсь от обжигающей, словно сухой лед, ярости и вдруг чувствую одуряющую легкость принятого решения.

Лицо перекашивает улыбка: мир окончательно поехал или я — мне все равно.

...Я подыграю ей в дурацком споре.

Почему бы и нет?

А потом она пожалеет, что вообще посмотрела в мою сторону.

Свет в окне гаснет, надо мной разверзается космос — пустой и безжизненный. Он знает, что все мы разобщены и одиноки, что смысла не существует, и даже Солнце — источник жизни — окружает лишь крошечная тьма.

6 (Регина)

В открытое окно влетает легкий ветерок, солнце светит совсем по-летнему, блики и тени сплетаются в причудливые кружева на стенах просторной столовой.

Тяжко вздыхая, мама смотрит сквозь меня, но в ее глазах таится тихое осторожное счастье.

Опускаю лицо и разглядываю темно-бордовый отпечаток помады на краешке чашки. Я нервничаю до мелкой дрожи, азарт и ужас разгоняют пульс, мысль о том, что мне предстоит сегодня, оттесняет все другие мысли на задний план.

— Ну как? — Мама приходит в себя, кивает на мою опустевшую тарелку. — Съедобно, Регин?

— Обалденно! Ты — бог кулинарного искусства! — убеждаю со всей искренностью, и она прерывисто всхлипывает.

— Чем же Андрюша там будет питаться... Ресторанная еда и его гастрит совершенно несовместимы. Ох уж мне эти командировки!

— Он вернется через каких-то две недели! — напоминаю я, но взгляд напротив снова наполняет безотчетная тревога.

Еще бы: мы наконец стали семьей, но маме все еще приходится волноваться из-за рациона Андрея.

Меня тоже тошнит от волнения. За свою неугомонную задницу.

— Как спалось, ребенок? Обживаешься? Андрюша ска-

зал, что мы можем переделать комнату Славика на твое усмотрение. До отъезда в клинику еще есть время. Предлагаю выбрать обои поярче, обновить шторы... Вчера на одном сайте я видела замечательную мебель! Как видишь, кухне и гостиной небольшой апгрейд пошел на пользу... — с надеждой предлагает мама, пытаясь за многословностью скрыть страх перед предстоящими одинокими вечерами, но ее идея отчего-то активно не нравится мне.

Память тревожит черный бархат неба с россыпями звезд, нависавший ночью над головой. С этой точки вселенной им любовались лишь две пары глаз — мои и неведомого мальчика Славы, и теперь мне кажется, что между нами неразрывная связь.

Пусть соблазн велик — у меня отродясь не было своего угла, но я не могу присвоить и переделать то, что все еще принадлежит ему.

— Мам, почему Андрей так поступает с сыном? — невпопад перебиваю я, вызывая у мамы замешательство.

— Видишь ли... У них непростые отношения. Парень болезненно отреагировал на расставание родителей и давно избегает общения. А в последнее время окончательно закрылся и совершенно не идет на контакт. Андрей не настаивает — дает ему право сделать выбор самому.

— Понятно, что ничего непонятно... — Я вылезаю из-за стола и картинно раскланиваюсь. — Спасибо, мам. Но меня и так все устраивает.

По мере приближения к колледжу мандраж усиливается и перерастает в легкую панику. Проехав три остановки, я выхожу на нужной и, высматривая номера домов и никуда не сворачивая, добираюсь до ржавого забора.

И тут же ловлю нехилый, выбивающий воздух удар промеж лопаток:

— Привет!

Резко оборачиваюсь — черная густая бровь Кэт нахально ползет вверх. Кое-кто ждет моей реакции.

Я примеряю самую подходящую к ситуации маску — ржу как лошадь и, размахнувшись, отвечаю тем же:

— Здорово!

Мы снова становимся «лучшими подругами» — Кэт тоже хохочет. Ненатурально и слишком заливисто, но со мной все так себя ведут.

— Хорошая погода для второго сентября! Так и шепчет... — Она уверенно чешет к корпусу, и я благодарю судьбу, что послала мне шанс благополучно добраться до нужной аудитории, но радость длится недолго — Кэт кивает в сторону мужской курилки и изрекает: — И до конца месяца осталось всего двадцать восемь дней.

Она подмигивает, а я спотыкаюсь.

Возле стены спортзала, выдыхая в чистое прозрачное небо дым, стоит высокий парень.

Он...

Нутро выжигает страх.

Быстро кошусь на него, стараясь за пару секунд разглядеть как следует и запомнить мельчайшие детали облика, натягиваю на лицо самую беззаботную из улыбок и считаю до десяти, чтобы не шарахнуться в сторону от душных поцелуев невесты откуда взявшихся Даши и Милы.

— Да, Регин, ты совсем отбитая. Круто... — фальшиво сочувствует Кэт, плясь на Святошу. — Не представляю, как ты все провернешь, где телефон спрячешь. Ну, для видео. К нему и подойти-то страшно. Но мальчик, конечно, топ...

Мила стыдливо опускает голову: так и есть, ее стараниями разговор в кустах уже стал достоянием общественности.

— А если проиграешь? Если не получится? — с придыханием шипит Даша, и Кэт сразу находится с ответом:

— Если проиграет, на коленях извинится передо мной за базар про тот кошелек. И получит по роже. И будет нам до конца обучения хавчик оплачивать. Да, Регин? — Она невинно хлопает ресницами, вызывая желание съездить ей кулаком по самодовольной уродливой физиономии. — И твой папа-бандит не должен вступать, думаю, он поймет, потому что спор — это святое.

Вместо того чтобы вникать в основы экономики, я поддеваю ногтем затяжку и проделяваю дыру в сеточке колготок, зубами снимаю колпачок с гелевой ручки и рисую на бедре черную розу, такую же, что красуется рядом на тату. Мозги

гудят и плаваются в поисках выхода.

...Итак, его зовут Святослав. Фамилия — Рябинин. Учит-ся на третьем курсе, но на другой специальности: «Информационные системы и...» — Вера говорила, но дальше не запомнила моя дурья башка.

Он выглядит отстраненным, одиноким и холодным как лед.

Но не похоже, что это его напрягает — наверное, Святоша самодостаточный и сильный. В отличие от него, мне всегда нужно было к кому-то прибиться — надеяться, верить и идти по следам. Иначе настигала пустота. Всепоглощающая и отключающая разум пустота из детских кошмаров.

Закусываю губу и вздыхаю.

А еще он... выглядит красивым. Красивым не как милый сердцу кошелек — безделушка с блошиного рынка, — а как что-то эксклюзивное и запредельно дорогое. Такое дорогое и недоступное, что кружится голова и хочется плакать.

Возможно, пора признать поражение — встать на колени перед Кэт, извиниться, заслуженно получить пару пощечин, до конца дней в позоре прислуживать этой наглой корове и окончательно свихнуться, но кровь гордых предков ни за что не даст мне смириться с такой участью. Я не сдамся. Точка. Никогда.

К концу первой пары со мной приключается настоящая депрессия — проклиная все на свете, я рядом с девочками

гордо вышагиваю в буфет, но меня еле заметно шатает.

Почему в ту злосчастную аудиторию первым вломился именно он?!!

Все мои мальчишки были намного проще. Как кошельки... В которых временами даже не было денег.

Озираюсь по сторонам — через фойе спешат безликие люди, кто-то мерзко ржет за спиной, но я подавляю паранойю. Сейчас ни у кого нет повода надо мной смеяться.

На облезлой стене, прикрывая потребность в ремонте, висит яркий стенд с семейными фотографиями отличников.

— Петров, Марченко, Рябинин... — читаю вслух, и мне становится совсем худо. — Он еще и отличник... Просто блеск!

Замираю у стенда, но фотки над уже знакомой фамилией не нахожу — вместо идиллической картинки над табличкой грустит пустой прозрачный кармашек.

Я мешкаю и нагоняю девочек лишь у входа в буфет — к каске выстроилась очередь голодных злых студентов, гул голосов и звон посуды эхом гуляет по огромному помещению, столики стремительно заполняются.

Сую Миле нагретую ладонью мелочь и шиплю:

— Зацепи мне сосиску в тесте и сок, я пока займу место!

Натыкаясь на спинки стульев, я с запредельной скоростью лавирую между препятствиями, опережая спешащую к последнему свободному столику девчонку и, душевно подмигнув, прямо перед ее носом закидываю рюкзак на пустой стул

и занимаю еще один. Щелкнув пузырем жвачки, откидываюсь на спинку, сладко потягиваюсь, собираю в хвост розовые патлы и со скучающим видом наблюдаю за жующими людьми.

Зрелище местами милое. Местами — смешное, местами противное, местами...

На столик ложится тень, и обзор загораживает темная фигура — джинсы, мятая толстовка с закатанными рукавами, лямка рюкзака на широком плече, сжатые губы, острые скулы, серые, непроницаемые глаза...

Эмоции смешиваются и взрываются в солнечном сплетении, открыв рот, я наблюдаю за чудом: Святоша расслабляется, и его лицо расцветает в невозможной, крышесносной, убийственно красивой улыбке.

— Привет! — кивает он, передает мне мой рюкзак и занимает соседний стул.

7 (Святослав)

Я снова уснул лишь под утро, а теперь глаза режет от яркого солнышка, в башке тупой болью отдается гул голосов, скрежет столовских стульев и звон посуды.

Розоволосую деваху примечаю издали и, задевая плечами вырастающих на пути людей, направляюсь к ней.

У меня нет четкого плана действий: я никогда не обижал слабых, наоборот, помогал всем, кто в помощи нуждался. А когда вырос и поумнел, старался хотя бы не вредить. Но все это было в другой жизни — дверь туда захлопнули прямо перед моим носом.

Нависаю над крайним столиком у окна и пялюсь на «папину радость» — впервые так долго, что могу разглядеть тонкий белый шрам над бровью и капризно выпяченную губу.

Она меня бесит.

Я бы спросил ее, каково это — жить на всем готовом, не заморачиваясь и не думая о других, я бы со всей дури пнул ножку стула, чтобы ее задница оказалась на полу, я бы с удовольствием заржал ей в лицо и ушел отсюда, наслаждаясь ее позором...

Но тогда я спалюсь и лишусь месяца бесплатной развлекухи. А в этой новой жизни с развлекухой и так сплошной напряг.

— Привет! — брякаю я; деваху поднимает на меня дурные

глаза, в них мелькает ужас.

Я тут же спохватываюсь и изображаю улыбку, хотя не уверен, что этот оскал все еще может за нее сойти.

Быстро сажусь напротив и не даю девахе прийти в себя:

— Вопрос жизни и смерти, ответь на него, пожалуйста...

— Получается слишком уверенно — «девственнику» такое не под силу, ну и пофиг. Я пытаюсь припомнить все, чему научился на уроках актерского мастерства в гимназии — выдаю заинтересованность, смущение, восхищение и с придыханием произношу: — Как тебя зовут и с какого ты курса?

— Регина... — Моргнув, она внезапно включается, чавкает жвачкой и подается вперед: — С первого, с «Гостиничного дела». А тебя как зовут, красавчик?

Меня до зубовного скрежета раздражают ее манеры: развязность и наглая покровительственная ухмылка, от злости сводит скулы.

Волком смотрю прямо в ее глаза и вдруг понимаю, что она вот-вот ответит взгляд.

Удовлетворенно выдохнув, продолжаю напирать:

— Святослав. — Я снова улыбаюсь, на сей раз «застенчиво». — И... Еще вопрос. Чем занимаешься завтра?

На ее щеках проступают красные пятна.

— Ничем! — с готовностью заявляет деваха, заправляя за уши патлы. — Есть предложения?

Над грязным столиком напряженно гудят лампы, я еле сдерживаюсь, чтобы не послать ее далеко и надолго, но за-

мечая, что она ковыряет заусенец — этот произвольный жест выдает ее с головой.

Девочка повелась и не может поверить своему счастью — нервничает, боится спугнуть тупую добычу, по счастливой случайности приплывшую прямо в руки.

У меня нет денег, чтобы сводить ее в кино или клуб, но она примет любое предложение — из-за гребаного спора ей просто некуда деваться.

«Это ты — тупая добыча», — усмехаюсь я мысленно и продолжаю импровизировать:

— Давай познакомимся поближе. Погуляем? Тут красиво. В смысле... не тут, но я знаю где.

— Давай! — Ее щеки становятся пунцовыми. — Завтра после четвертой пары встретимся у курилки, хорошо? Ты не подумай, просто я не местная... У меня здесь нет друзей, и я буду рада, если ты покажешь мне город. — Пару секунд она кажется совершенно искренней, но тут же напрягается — к столику приближаются три девчонки с подносами.

Улучив момент, накрываю ладонью ее холодную руку и снова пристально заглядываю в глаза. Я прекрасно осознаю, что «папина радость» поплыла — часто моргает, всхлипывает, поверхностно дышит и вот-вот лишится сознания.

Достаю из кармана ручку и, осторожно обхватив ее запястье, пишу на нем свой номер.

— Вот. Сделай мне звонок, ок? Я пойду. До завтра! — Я подмигиваю, встаю и почти бегом покидаю буфет.

В курилке многолюдно — зомби-студенты греют на солнышке сутулые спины, общаются на не слишком высокие темы и натужно гогочут. Останавливаюсь в метре от досок — создаю видимость, что чилю вместе со всеми, но нахожусь все же далековато, так что никто не лезет в мою зону комфорта.

Распечатываю новую пачку, щелкаю зажигалкой, затягиваюсь полной грудью и выдыхаю дым.

И чувствую облегчение: игра началась, теперь мне тоже некуда отступить.

Я знаю, что делаю.

Папаша больше не будет безмятежно счастливым, потому что с помощью дурочки я подкину ему проблем.

Бросаю бычок под ноги и давлю подошвой ботинка, нахожу в рюкзаке цветную фотографию, еще с утра красовавшуюся на стенде, комкаю и точным броском отправляю в дымящуюся урну.

Шумят кулеры пожилых системников, одnogруппники старательно записывают в тетрадки задания и ломают над ними головы — на занятиях уныло.

Я давно разделался с решением и отдыхаю — развалившись, втыкаю в окно на разгорающийся сентябрь, разбавленное тоской небо, белые облака, уносящие разум к несбыточным мечтам.

Руки сами тянутся к смартфону — прячу его под партой и захожу на страницу моей бывшей. Вчера она была на перформансе заезжих французских художников в каком-то заброшенном здании на окраине столицы — взгляд сияет неподдельным восторгом, на талии лежит рука богатенького слащавого парня...

А мне кажется, что в аудитории внезапно вырубили свет.

Я ненавижу себя — облегчение от игры с дурочкой было обманчивым, ни одна из моих проблем не рассосалась сама по себе, а я ни на шаг не приблизился к их решению. Все тот же нищий безработный ушлепок.

Только теперь душу подтачивает гниль.

Задерживаю в легких глубокий вдох, подавляю сомнения и сострадание к тем, кто его не заслужил.

У зеркала в прихожей мать застегивает пиджак и выкручивает помаду — глаза расфокусированы и горят, как автомобильные фары, в затхлом воздухе завис запах перегара.

— Славочка, я к Маше. Задержусь. Возможно, ночевать там останусь. Не волнуйся, ага? — врет она, и в виске снова зарождается еле слышная боль. — У тебя все хорошо?

Молча киваю, прохожу в комнату, спотыкаюсь о коробки и лицом вниз валюсь на диван.

Я устал. Смертельно. Я не останавлиюсь ни перед чем, потому что для меня не осталось разницы, в дверь выходить или в окно...

Черные тени снов сгущаются, прибивают голову к подушке, превращаются в удушливый потный кошмар и изводят до тех пор, пока жужжание смартфона не возвращает мне сознание.

Разлепив один глаз, в темноте читаю сообщение с незнакомого номера:

«Это Регина. Сладких снов!» — И милый смайлик машет желтой ладошкой.

8 (Регина)

В буфете все так же многолюдно и шумно, но я ничего не вижу, не слышу и пару секунд не могу воспринять.

Святоша подвалил сам. И одной лишь улыбкой отправил меня в глубокий нокаут.

Кэт, Мила и Даша, чавкая, лопают пирожки и ждут подробностей сенсации, но, вместо того чтобы продемонстрировать им номер на запястье, я растягиваю рукав, прикрываю надпись и старательно строю из себя левшу. А кожа на правой руке горит, как от ожога.

Голова гудит, будто я выбралась из клуба с очень громкой музыкой, в ней яркой лампочкой загорается прозрение. Святоша не может быть девственником. Святоша никогда не влюбится в такую, как я.

Он слишком хорош для этого мира.

Все пропало...

Парень смотрел мне в глаза, улыбался и мило болтал, но от него исходил ледяной холод, от которого до сих пор сковывает плечи. Кажется, он ненавидит меня?..

Не может быть. Несмотря на усилия специалистов, я опять неверно считала мимику и жесты собеседника.

Мы же едва знакомы... И он подошел первым!

Остаток дня честно пытаюсь вникать в объяснения преподавателей — внимательно пялюсь на доску, но до меня не

доходит смысл заумных фраз. Разум окончательно улетучился, и в башке воцарилась пустота.

Спохватываюсь только от раздраженного окрика из дверного проема:

— Гафарова, занятия завершены!

Хватаю рюкзак, вытряхиваюсь в коридор и, сдирая черный лак с ногтей, следую за обтянутой голубыми джинсами задницей Кэт. Она огромна и служит мне путеводной звездой в толпе по пути к раздевалке, а потом — и к курилке.

— Ну, рассказывай, как тебе удалось заполучить внимание Святоши? О чем разговаривали? Он уже согласился тебе отжаться? — мурлычет Кэт, прикуривая тонкую сигарету. На размазанных губах играет подлая усмешка.

Не знаю, что на меня нашло, но я едва сдерживаюсь, чтобы не плюнуть ей в лицо. Говорить с ней об этом парне желания нет.

Нахально улыбаюсь, прячу руки в карманы пальто и умиротворенно прищуриваюсь:

— Фи, как грубо. А как же прелюдия? М? — Приспешницы Кэт подобострастно заглядывают мне в рот, и я хохочу. — Он меня на романтическую прогулку позвал. Сам. Так что я действую с опережением плана!

— О, а ты в себе уверена... — Кэт страдальчески сводит нарисованные брови. — Он смотрит на всех как на дерьмо и жутко бесит ребят. Но лично у меня от него мурашки по всему телу. Маньяк какой-то, бр-р-р... Хотя, спор — это свя-

тое. На что только не пойдешь, чтобы выиграть, да, Регин?..
— Твоя правда! — Я панибратски хлопаю ее по плечу, стараясь долбануть побольнее, запахиваю пальто и неспешно иду к остановке.

Ботинки а-ля «Прощай, молодость» дают мелкие камешки, осколки стекла и травинки, по разрисованной коже под дырявыми колготками ползет озноб, на сердце тяжело.

Серость этого места наводит тоску, стоит огромных усилий не поддаваться панике.

Я всего лишь хотела не прослыть изгоем, раскрасить будни неведомому пареньку из шараги, на время прилипнуть к нему и поставить на место Кэт, но все вышло из-под контроля.

Кажется, для общения со Святом я выбрала неправильную маску...

В очередной раз пытаюсь анализировать все, что натворила, но окончательно запутываюсь в дебрях. Моя дурная башка снова работает неправильно, и некому навести в ней порядок.

У меня мало воспоминаний о раннем детстве — продуваемом всеми ветрами, голодном и одиноком, но я помню камни. Когда папа оставил меня одну, на многие километры вокруг лежали только они — безжизненные, безликие, равнодушные, твердые, одинаковые. Однако даже на камнях росли цветы.

Красота цветов притягивала еще одно невероятное творе-

ние природы — прекрасных бабочек. Эти трепетные, беззащитные создания радовали, утешали и высушивали мои слезы в моменты нестерпимой боли во всем теле и тоски по маме. Они спасли меня. С тех пор я убеждена: красивое не может быть плохим.

Когда врачи разрешили мне пойти в школу, я была старше одноклассников. Но ума и сообразительности сей факт мне не прибавлял. Как и авторитета.

Меня унижали, обзывали, даже били, и ощущение, что я так и не смогла выбраться из каменного мешка, преследовало, мучило, сбивало с ног. Но я научилась выбирать маски и играть нужные роли, и в конце девятого класса самый популярный мальчик в школе захотел быть со мной.

Больше не было страхов — он провожал, заботился, указывал правильное направление. Больше не было смешков и издевок... Но он не был красивым, потому и разослал наши интимные фотки всей школе.

Ученики противно ржали и тыкали в меня пальцами, но я не понимала почему. Ведь фотографии-то красивыми были, а интерес парней, вопреки замыслу подлеца, возрос до небес.

Тогда я выбрала роль бесшабашной, веселой и доступной девчонки и не отказывала никому — было приятно хотя бы короткие минуты под грязной лестницей чувствовать себя нужной. Я думала, что этот путь к нормальности был верным, но...

Однажды нас застучала техничка, и случился грандиоз-

ный скандал.

После визита к директору мама и Андрей долго объясняли, что такое поведение постыдно для девушки — я смиренно кивала, но так и не вникла в суть упреков. Ведь в этой роли я смогла влиться в социум спустя столько лет насмешек и игнора!

Родители забрали документы и настояли на колледже.

Все лето я посещала крутого психотерапевта и вроде бы усвоила правила игры, но, поступив на первый курс, по инерции пошла проторенным путем.

Кто же знал, что вошедший в аудиторию парень Святослав (Господи, какое крышесносное имя!..) окажется благородно, эксклюзивно красивым, но наглухо закрытым...

— Регинушка! — Кто-то хватает меня за ремень, связанный узлом на поясице, и я едва не падаю. Поднимаю голову и вижу взъерошенную встревоженную маму. — Остановись, пожалуйста. Ты идешь не в ту сторону. Держись за меня.

Позади нее мельтешат незнакомые городские пейзажи, и приступ паники скручивает живот.

Серые безликие дома.

Каменные глыбы.

Камни, камни, камни...

Сердце бьется у горла, на лбу проступает холодный пот, от тошноты распухает язык.

— Регина, я здесь. Дыши, дыши глубже... — уговаривает мама, сознание цепляется за спокойные интонации, я мор-

гаю и перевожу дух.

Повисаю на ее локте и, спотыкаясь, плетусь рядом.

— Где мы, мам? — хриплю, и мама смеется:

— На верном пути.

В воздухе стоит тяжелый дух осенних костров, в сером небе плывут лохмотья туч, вечереет. По дороге к коттеджному поселку мама как может забалтывает и отвлекает меня от последствий испуга — обещает обалденные круассаны и чай с имбирем на ночь, а еще клянется, что без моей помощи не разберется с антикварной посудой, принесенной недавно Андреем.

Мама скучает по мужу, но не унывает, ведь ее заветная мечта — арт-салон и ресторан с блюдами, поданными на настоящем дореволюционном фарфоре — при участии Андрея совсем скоро примет первых посетителей.

Она сжимает мои пальцы и тепло улыбается, и жизнь, несмотря на надвигающиеся холода и унылые крики птиц, вдруг расцветает яркими красками.

Хорошо, что у мамы есть Андрей. Хорошо, что у меня есть мама. Хорошо, что есть поддержка и любовь.

— Почему люди бывают озлобленными? — выдаю я, и мама мягко поясняет:

— Вероятно, в прошлом с ними произошли неприятности. Или они запредельно одиноки и их некому отогреть.

Что-то щелкает в моем калечном мозгу.

Я знаю, каково это. Я хотела бы его отогреть.

И вечером, разделавшись с выпечкой и чаем и поцеловав маму, я сбегаю в комнату. Сажусь на широкий подоконник, кутаюсь в мягкий свитер и вглядываюсь в темноту, глухой забор, черные кроны тополей и заплаканные глаза звезд высоко над ними.

Тот парень отгородился от мира ледяной стеной, но за ней спрятана боль. Огромная боль — я почувствовала ее, как только приблизилась. Он не справляется с ней и, как раненый зверь, сам вышел к людям.

Мне хочется, чтобы о нем перестали говорить плохо — ведь никто даже не пытался подойти ближе. Мне хочется, чтобы он больше не был одинок — потому что в мире, наполненном красотой, одиночеству нет места.

Набираю побольше воздуха в легкие, провожу пальцем по экрану смартфона и отправляю на заученный наизусть номер короткое эсэмэс с пожеланием спокойной ночи.

Я сплю как убитая, а утром вскакиваю задолго до будильника и бегу в ванную. Душа поет, ноет, горит и не вмещается в груди — кажется, так чувствуют себя пьяные.

Вернувшись в комнату, распахиваю створки молчаливого доброго шкафа и вытягиваю наружу темно-синее винтажное платье в мелкий горох, купленное на блошином рынке. Я восторгалась им до слабости в коленях, ждала повода надеть это сокровище и продемонстрировать людям — и шанс представился. Укладываю розовые волосы в подобие причес-

ки, разбавляю бледность лица броским темным макияжем и массивными пластиковыми серьгами.

Я украшаю собой этот мир, я люблю его и уверена — это взаимно.

После плотного завтрака целую маму в щеку и с придыханием сообщаю:

— Мам, я задержусь после занятий. У меня свидание.

— Ну и ну... — Она нервно комкает кухонное полотенце.
— Что за парень? Он точно тебя проводит? Он порядочный? Если будет страшно, звони мне обязательно, ребенок!

Я не слушаю ее напутствия — решительно шагаю в неизвестность, и раннее сентябрьское утро теплой солнечной ладошкой гладит волосы.

Легко добираюсь до колледжа, смело вливаюсь в поток студентов у ворот и, всматриваясь в номера аудиторий, дохожу до нужной... У двери стоит Святослав.

Сердце подпрыгивает и катится с горки вниз, я заглядываю в серые, как дождливое небо, глаза и тону в них.

9 (Святослав)

Впервые за два года я ощущаю что-то вроде азарта — «папина радость» настрочила мне сообщение. Эта дура повелась на мои приторные улыбочки и теперь не соскочит.

Посмотрим, насколько слова папочки о «несчастной доброй девочке» соответствуют действительности.

Самое интересное только начинается, и я рвусь в бой — собираюсь по полной запудрить ей мозги, хотя, вероятно, их у нее попросту нет.

Чтобы закрепить результат, достаю из коробок мятые слаксы, оставшиеся с последнего звонка, и отправляюсь на поиски утюга.

В гостиной, за неимением других комнат ставшей «будуаром» матери, бардак похлеще, чем в моей норе — на незаправленной кровати валяется одежда, журналы и косметика, воняет духами вперемешку с чем-то кислым, а столик у зеркала завален бумагами.

Вытягиваю из основания стопки яркий красный листок, и ворох неоплаченных счетов разлетается по полу.

— Твою мать... — Я хватаюсь за голову.

Судя по последней долговой квитанции, мы торчим ЖЭКу сумму с четырьмя нулями и рискуем остаться без электричества, хотя все, что я зарабатывал, исправно отдавал матери, и та клялась, что своевременно вносит плату.

Распахиваю ее шифоньер и матерюсь — из него вываливаются шмотки. Явно новые.

В сердцах грохочу дверцей и вылетаю в прихожую.

Как можно быть такой конченной, как? Еще в прошлом году папаша заявил, что не станет больше ее содержать, так почему бы ей не умерить аппетиты?

Я выбрасываю свой цивилизный шмот обратно в коробку, влезаю в привычный потертый худак и джинсы, зашнуровываю берцы и ухожу.

Ярость не выветривается из башки даже на улице — день обещает быть ясным и теплым, но меня постепенно и неотвратимо засасывает какая-то черная дыра.

Будь прокляты мои мама и папа.

Никогда бы не выбрал этих шлепнутых уродов в родители, если бы мог выбирать.

Мозг взрывается в поисках выхода. Мне надо где-то поднять денег, чтобы мы с матерью окончательно не сгинули в нищете.

Я соглашусь на любую работу, буду пахать сутками, но на поклон к этому мудаку-папаше никогда не пойду — напрасно он нарисовался на горизонте спустя столько времени.

Во дворе шараги многолюдно. Уставившись в грязный асфальт под носками ботинок, я плетусь на занятия, но, как по наитию, поднимаю взгляд.

«Папина радость», сияя обкуренной улыбкой, вразвалочку шагает впереди, без стеснения глазеет на прохожих, на-

дувает пузыри из жвачки и выглядит абсолютно счастливой. Полы моего пальто хлопают ее по худым кривым ногам, а под ним обнаруживается похожее на тряпку платье.

Подавляю смешок, я увязываюсь за ней, обгоняю и преграждаю путь.

Дурочка запрокидывает голову и пялится на меня мутными, как бутылочное стекло, глазами.

— Прочитал твое сообщение только утром. Рано отрубил-ся вчера... — с придыханием вру я. — Извини, что не ответил. Надеюсь, ты не обиделась и все остается в силе?

— Да, конечно! Да! — Деваха не верит собственному счастью и кивает как сумасшедшая, а мои кулаки зудят. Она моргает и ждет продолжения, и я «смущенно» улыбаюсь ей, но Сева, расталкивая медлительных студентов, с видом загнанного лося чешет навстречу.

— Здоров, Свят! — Он крепко пожимает мою руку. — Ты чего тут? Еле догнал... Там это... Николаич оборудование потащил, чувствует сердце — щас будет лабораторка.

Пару минут выслушиваю его треп про службу брательника в армейке, автомастерскую в гаражах и заниженные тачки, задаю тупые вопросы и отпускаю похабные шутки, и вспоминаю о Гафаровой, только когда та, поджав черные губы, растерянно отступает к своим размалеванным подружкам. Черт, тут я недокрутил. Ну и пусть. Переживет.

Выручаю Севу на лабораторке — просто так, из добрых

побуждений, первым сдаю работу и плююсь в окно. Альтруизм очень быстро испаряется под напором тяжелых дум о клешне слащавого уродца на талии моей девчонки, о нищете, из которой мне не выбраться, о беззаботной дуре, не знающей проблем, о папаше... Все же идея отомстить ему не так уж плоха и аморальна. Он сам не имеет понятия о морали.

На переменах его «радость» прогуливается по шараге, на шаг отставая от товаров и явно выискивая в толпе меня, но я не отвечаю — наблюдаю со стороны и не отвечаю на ее звонки.

После четвертой пары собираю манатки, не торопясь, иду к курилке и едва не ржу в голос. Дурочка уже там — смотрит на экран телефона, с тревогой оглядывается, разочарованно топчется на месте, ее впалые щеки бледнеют, а в глазах блещут слезы.

Если бы на месте «папиной радости» была другая девчонка, я бы ее пожалел. Даже не так — я бы никогда не довел ее до такого состояния. Но эта должна понять, что существует закон бумеранга. Что не нужно было меня еще и провоцировать.

Она достает из рюкзака мятую пачку, трясущимися пальцами вытягивает тонкую сигарету и хлопает по карманам пальто.

Мой выход.

Вырастаю перед ней и элегантно щелкаю зажигалкой. Ее поводит, щеки вспыхивают, а расфокусированный взгляд

блуждает по моему лицу.

— Я думала, ты не придешь... — В интонации ясно слышится облегчение. Мы сейчас оба играем, но — надо отдать ей должное — актриса из нее вышла бы отличная.

— Я не мог не прийти... — Сражаю ее «искренним» признанием, и она глупо пялится на меня несколько долгих секунд.

— Пойдем? — Галантно отставляю локоть, и она повисает на нем. С трудом подавив желание стряхнуть дурочку с себя, как нечто мерзкое, продолжаю ее забалтывать: — Итак, Регина... Блин, красивое имя. Кто-нибудь говорил тебе, что ты шикарно выглядишь?

— Да! — нагло отзывается она. — А тебе кто-нибудь говорил, что ты похож на брендовую вещь среди кучи барахла?

Я офигеваю от такого сравнения.

На нас косятся прохожие, и меня сжирает испанский стыд за ее нелепый наряд и странную внешность. Какие бренды, чья бы мычала...

Волоку ее к отогнутым прутьям забора и дальше — к заброшенному саду, и Гафарова напрягается:

— А куда мы идем, Свят?

— Есть одно отличное место. — Я изображаю безмятежность. — Совсем рядом, но там другой мир. Десять минут прогулочным шагом, и романтика. Ты не пожалеешь, обещаю!

Она с готовностью кивает, а я мысленно клянусь себе в

обратном.

— С тобой — хоть на край света! Потому что ты такой красивый... — бормочет она, еще сильнее сжимая мое предплечье.

Настолько явно ко мне никто никогда не подкатывал, и я реально ощущаю себя «святошей» — именно так меня кличут девки в шараге. «Заботливо» отвожу кривые узловатые ветви от лица дурочки, придерживаю ее на кочках и не даю провалиться в ямы, и она просит:

— Только не оставляй меня одну, ладно? Мне отсюда не выбраться.

Зачем же так переигрывать...

Раздражение растет, я начинаю от нее уставать, но глубоко вздыхаю и посылаю загадочный взгляд сверху вниз.

— С чего ты взяла, что я тебя оставляю? И в мыслях не было.

Мы пробираемся через отравленный туманом сад, проходим через пустырь и оказываемся в заброшенном дачном массиве.

Солнце еще высоко — греет спину и плечи, воздух пахнет вином и медом, перезревшие яблоки падают в высокую траву, на осколках стекол и выгоревшей листве блестит паутина.

Но осенний вечер крадется по пятам — из низин тянет сыростью, а в полинявшем голубом небе виднеется бледная луна.

— Как красиво! — выдает «папина радость», блаженно

оскаливаясь. — Тут так красиво, Свят...

Мое сомнение в ее душевном нездоровье перерастает в уверенность.

— А сейчас будет еще красивее! — с тем же больным энтузиазмом отзываются я, веду дурочку к огромному недостроенному «дворцу», без церемоний хватаю за талию и помогаю взобраться на разрушенный кирпичный забор.

Коттеджный поселок, раскинувшийся в долине, напоминает лоскутное одеяло — ровные квадраты газонов разных оттенков зеленого и аккуратные домики, отгороженные от внешнего мира неприступной стеной.

«Папина радость» приходит в восторг:

— Невероятно!.. Слушай, Святик, а ведь я там живу! — Она садится на кирпичи, свешивает ноги, и я опускаюсь рядом, чтобы «разделить с ней момент».

— А, так у тебя богатый папочка? — уточняю я, но эта незамутненная дура все равно не просекает издевки.

— Мой папа — горец. В смысле, не горец из старого фильма, а настоящий горец. Ну, ты понял... — Она пытается шутить, но умнее все равно не выглядит. — Он давно не интересуется моей судьбой. А здесь живет мой отчим, Андрей. Он очень классный. Он красивый и любит мою маму — даже помог ей открыть арт-салон, хотя она долго не соглашалась принять его помощь. А мы с мамой нищие. Вообще нищеводки. Андрей вытащил нас из такого дерьма... Кстати, у него есть сын — мой сводный брат, но он странный. Не

общается с таким замечательным отцом, и я никак не могу взять в толк почему. Чего ему не хватает?

В висках зарождается тупая боль, зубы сводит. Я смотрю на эту мразь и едва сдерживаюсь, чтобы не подтолкнуть и устроить ей веселый полет вниз головой с трехметровой высоты.

— А ты ладишь с отцом? — не унимается она.

— У меня нет отца. — Достаю из кармана сигареты, прикуриваю от зажигалки, глубоко затягиваюсь и наконец обретаю баланс. Отчего-то я чересчур остро на нее реагирую, и это непозволительно в моей ситуации.

— Он умер? Ох... — До меня долетает волна тепла и сочувствия, и я прищуриваюсь. Будь на ее месте нормальная девчонка, я бы, возможно, простил отцу ее наличие. Но эта бессовестно строит из себя друга, лезет в душу и подбирается ближе, преследуя единственную цель — окрутить меня и выставить идиотом.

— Жив он. Нашел себе шлюху с прицепом, тайком мотался к ней несколько лет, а когда все открылось, выгнал мать из дома, — выплевываю я, и гнев никотином горчит на языке.

— Мне жаль... — вякает «папина радость». — И ты не пытался поговорить с ним?

— Ха. О чем говорить с мудаком, который даже не записал меня под своей фамилией? — Я отправляю окурок в заросли крапивы под ногами и в упор смотрю на Гафарову. — Ты всю жизнь не вдупляешь, почему являешься для него

пустым местом, а потом слышишь родительский скандал — папаша обвиняет мать, что та была эскортницей и залетела специально. Что твое появление на свет оказалось его главной ошибкой, что мы с мамой — люди второго сорта и должны быть благодарны, что он содержал нас. Потом он выгоняет мою мать в гнилую хрущобу и не интересуется нашими делами. А спустя два года приводит в наш дом новую бабу и официально женится на ней. Ну как, темы для разговоров после такого останутся?

Порыв ветра, сотворив на башке гнездо, улетает в небеса, возвращается и гремит ржавым инвентарем в заброшках, путается в кронах тополей и приводит в негодование цепного алабая бывших соседей.

Я жду, что до «папиной радости» дойдет, кто я, но дура не может сложить два и два — ковыряет лак на ногтях и нервно поправляет белый кружевной воротничок.

— Я сочувствую тебе... — шепчет она, и в ее влажных глазах плещется неподдельная боль.

Холодная ярость закипает в груди, разрядом пронзает мышцы и выключает мозг. Я подаюсь к дурочке, по-хозяйски кладу ладонь на ее затылок и присасываюсь к черным губам.

Она замирает, хватается за мои плечи, неистово отвечает на поцелуй, дрожит и, обмякнув, прерывисто дышит.

Думаю, на сегодня хватит.

Отстраняюсь, «смущенно» отворачиваюсь и делаю вид, что потрясен. Она разглядывает полустертый лак на ногтях

и молчит, но в ее кармане веселенькой мелодией раздражается телефон.

— Свят, уже поздно, мама просила прийти пораньше... — откашливается она, нажав на сброс. — Ты не мог бы меня проводить?

Проворно поднявшись, дурочка сбегает по обломкам кирпичей, останавливается у подножья и, словно доверчивая собака, ловит мой взгляд.

— Конечно, — заверяю я, нагнав ее, и отряхиваю ладони.

Заросли крапивы и репейников редуют — через два десятка метров их окончательно вытеснят с обочин розовые кусты и гортензии, низкие белые заборчики и мощенные плиткой дорожки. По мере приближения к поселку мне все сильнее хочется закурить — слишком многое напоминает о прошлом: о звонком смехе любимой девчонки, о наших загулах с друзьями, о беззаботности и потерянных мечтах.

«Папина радость» безмолвно плетется рядом — ее куриные мозги закоротило от такого напора, но ей никто не обещал, что будет легко.

Я останавливаюсь, отступаю в темноту, прикуриваю новую сигарету и делюсь с космосом серебристым дымом. Гафарова по инерции проходит несколько шагов, спотыкается и застывает, как вкопанная.

Интересно, что с ней? Неужели боится заблудиться в трех соснах?

«Давай, покажи, какая ты беспомощная, и я помогу тебе отсюда выбраться...» — злорадствую, продолжая наблюдение.

Она явно переигрывает — оглядывается, кружится на месте, закрывает ладонью рот, стонет и, покачнувшись, со всего маху падает на колени.

— Эй! — Офигев, я отщелкиваю окурок, подбегаю к ней и, подхватив под локти, ставлю на ноги. — Я прикурить оставился. Ну? Ты чего? Я же здесь...

— Ты не ушел. Ты меня не бросил! — пищит она еле слышно. По щекам катятся черные слезы, а на содранных коленях проступает кровь. Внезапно она бросается ко мне, обвивает руками шею, дрожит и заходится в тихой истерике. — Ты красивый. Ты хороший. Спасибо тебе. Спасибо.

10 (Регина)

Тихонько вхожу в темную прихожую, осторожно разуваюсь и крадусь в комнату, но мама влетает следом и лишает меня шанса избежать расспросов.

Загораются яркие лампы, ее взгляд мечется по моему заплаканному лицу, пыльному подолу и окровавленным коленкам.

— Регина! — задыхается она. — Тебя обидели? Тот парень?

Я отмахиваюсь.

— Да при чем тут парень. Упала я. Колготки убила. Жаль... — Пожимаю плечами и сбрасываю пальто — уютное, как тепло Свята, минуту назад согревшее меня через слои одежды. — Можно мне побыть одной?

— Хорошо. Поговорим за ужином... — Мама едва сдерживается, но выполняет просьбу — так нужно. Дверь с тихим стуком закрывается, мебель и предметы обволакивают осенние сумерки и тишина.

Ложусь на кровать, отворачиваюсь к стене и отдираю кусочек обоев над стыком — продолжаю традицию, начатую когда-то Славиком, но мои действия исправляют гармонию нарушенного им узора.

Я еще пару минут бодрюсь — шумно вдыхаю и кусаю губы, но эмоции прорывают дамбу. Подбородок по-старуше-

чьи трясется, слезы душат, голова вот-вот лопнет.

Глупая пустая голова.

Разрозненные невнятные мысли кружатся вихрем мятых бумажек, смешиваются и шумят, но не дают ухватиться за смысл.

Он поцеловал меня, вот черт... Вот черт!

Его поцелуй был морозным, как мятная жвачка, и обжигающим, как чай с имбирем. Он подарил мне такие невозможные, острые и яркие оттенки света, что я до сих пор ослепленно замуриваю опухшие глаза.

Этот поцелуй был красивым... Как и сам Свят.

В воздушные нежные образы вклинивается черный гудящий рой проблем.

Он первым проявил инициативу, значит, я близка к выигрышу. Но мне противно об этом думать.

Тереблю край покрывала с кистями и бодаю стену упрямым лбом.

Погано, что я опозорилась перед ним и впала в истерику. Он понял — я не в порядке, но повел себя так искренне и так душераздирающе красиво!

Я всхлипываю и, растянувшись на спине, гляжу в темный потолок. Шок притупляется, отпускает, уходит... Только разбитые колени саднят, да сердце трепещет, как яркий цветок на ветру.

Теперь я знаю, почему Свят такой. Все верно — он глубоко несчастный и одинокий, но чистый.

Его огонь, бушующий за ледяными стенами, сожжет любого, кто рискнет подобраться слишком близко. Он уже опалил меня.

Так... могу ли я надеяться на продолжение? Может, он станет для меня той самой спасительной бабочкой и выведет за собой туда, где мне наконец будет хорошо?

Руки, ноги и низ живота наливаются свинцом.

Мне все же нужно выиграть спор.

Но не ради победы над Кэт, а ради ночи с ним...

Мама стучится и приглашает меня к столу, и я вынырываю из хаоса в простой, привычный полусонный мир.

Стягиваю безвременно погибшие колготки и крутое винтажное платье, тону в безразмерной, обалденно пахнущей футболке Славика и спешу на зов — из столовой доносятся невероятные ароматы, и рот наполняется слюной.

Стоя у духового шкафа, мама буравит меня усталым напряженным взглядом, и я, вскинув руки, падаю в плетеное кресло:

— Правда все нормально, ма. Никаких приступов, и он меня не обижал. Мы просто гуляли по заброшенным дачам.

— По заброшенным дачам? — изумленно пищит мама, ее брови взлетают вверх, а глаза транслируют ужас. Кажется, я снова сделала что-то не то...

— Регина, ты не знаешь этого мальчика достаточно хорошо, — увещевает мама. — Ты не знаешь, что у него на уме. А если, не дай бог, что-то случится, где нам искать тебя? На

заброшенных дачах?

Скорбно киваю, но не чувствую за собой вины.

Потому что я знаю его.

Знаю, поэтому и доверяю.

У Свята красивая душа — как у мамы и Андрея. И мой сводный брат, вероятно, тоже чист душой.

История Свята даже немного перекликается с историей Славы, но есть одно большое но — в отличие от него, мой неведомый сводный брат несправедлив к отцу.

Маме всегда приходилось со мной нелегко, но Андрей, навещая нас в нищете оклеенной театральными афишами комнаты, выслушивал меня и искренне вникал в проблемы, а его напутствия всегда достигали моих неправильных мозгов. Отчим, единственный во всем мире, помогал мне и маме, с его помощью я смогла попасть к крутым специалистам-мозгоправам, каких не было в нашем городке. И предстоящая вторая ступень реабилитации тоже стала возможной.

Он как никто беспокоится и о сыне — по сей день часто звонит бывшей жене и самому Славе, но они не отвечают или бросают трубку.

Тогда Андрей становится бледным, молчаливым и задумчивым, и оттаивает только в присутствии мамы.

Мне обидно за Андрея. И очень хочется вразумить сводного брата.

Божественные запахи еды лишают остатков разума, но я креплюсь — залезаю на подоконник и, прислонившись спи-

ной к черному зеркалу стекла, наблюдаю за мамой — вооружившись прихватками, она вынимает из пышущего жаром ада духовки запеченную форель, фыркает и чертыхается.

Миниатюрная, светловолосая, улыбчивая и скромная... Интересно, а какая мама у Славы?

— Ма, Андрей решил расстаться с женой из-за тебя? — брякаю я, но мама спокойно разворачивает фольгу, отделяет лопаткой добротный кусок и аккуратно перекладывает в тарелку.

— Что ты. Это случилось задолго до нашего знакомства. В этом нет ничего удивительного, Регина. Люди меняются, перестают видеть и чувствовать друг друга... Они продолжали жить под одной крышей, но, когда Андрей нашел квартиру и выплатил отступные, Аля ушла. Ну а Слава... Слава — совершеннолетний, физически развитый парень. Он сам принимает решения, и Андрей, к сожалению, не вправе привести его силой...

Мама осекается и испуганно смотрит на меня, но оптимистичная улыбка тут же озаряет ее тонкие черты.

Все-таки мама — прирожденный дипломат: не сдается, даже допустив оплошность, а ее мягкий вкрадчивый голос может усмирить разъяренную кобру. После всего, что произошло со мной в детстве, это немудрено. Но она никогда никого не осуждает и умеет находить нужные слова. Они с Андреем — идеальная пара.

— Я спросила, потому что тот парень... — Я спрыгиваю с

подоконника и в нетерпении кружу у стола. — Он... прошел через подобный опыт. Его папа выставил их с мамой из дома и обзавелся другой семьей. И парень очень страдает.

Мама выдает мне вилку и салфетку и хмурится:

— Как, говоришь, его зовут?

— Мам, выключай гиперопеку. Неважно! Вы и так всех мальчишек отвадили, хочешь, чтобы и этот сбежал? Не забывай, доктор велел предоставить мне максимальную свободу действий и самовыражения. Хватит пугаться моих разбитых коленок!

Я долго не могу уснуть — разглядываю огромные голубые звезды в черноте окна и гадаю, в какой стороне расположено волшебное место с потрясающим, завораживающим, щемящим сердце видом на уютные жилища счастливых людей.

Уверена, Свят еще никого туда не приводил. И я бы очень хотела побывать там снова.

Сладко потягиваюсь и улыбаюсь в темноте.

Сегодня был отличный день, самое время пожелать красивому мальчику Святославу спокойной и доброй ночи.

С утра зарядил дождь, стучит по асфальту и турникам, ржавеющим на спортивной площадке, скучные занятия тянутся медленно, как липкий, вязкий густой кисель. Руку сводит от бесконечной писанины, мозги плавятся от заумных объяснений преподавателей, рот сводит от зевоты.

Чтобы раскрасить невыносимо скучные будни и позлить Кэт, сегодня я вамп — в экстремально коротком мини и красной цыганской блузе. На переменах, накинув пальто, в компании ее подружек вразвалочку шатаюсь по территории, смачно харкаю под ноги, похабно шучу и ржу как конь, но не перестаю думать о Святославе. И пусть он не ответил на эс-эмэс, ни разу не попался мне на пути и не пришел в курилку, я кожей чувствую его. Возможно, у него занятия в другом крыле. Возможно, он занят — помогает быковатому товарищу со свинными глазками, возможно...

У пожарного выхода, под кустом сирени я вижу мокрого котенка.

Он истошно кричит и дрожит, и я, бросив в урну окурок, под смешки и улюлюканье одnogруппниц спешу на помощь. Хватаю его, прячу за полый пальто и разглядываю.

— Привет. Не плачь, пожалуйста. Я — Регина. А ты?

Котенок замолкает, а я вдруг замечаю, как он потрясюще похож на Святослава — грустный, сероглазый, взлохмаченный, но, кажется, породистый.

11 (Святослав)

Ветер усилился, ощутимо похолодало — еще пару недель, и осень дождями, грязью и беспробудным депрессняком наглухо укутает город.

Поднимаю капюшон, дую на замерзшие пальцы, избегаю по кирпичам разобранной стены и снова занимаю свой наблюдательный пункт.

Без посторонних здесь тихо и... тоскливо. Я привык к одиночеству, однако сейчас мне внезапно становится некомфортно в нем.

Аккуратный уютный двор Яны вдалеке освещен фонарем, но ее окно мертво — окончательно оставив попытки встретиться и поговорить, в этом июне она уехала в столицу. Мое прошлое перечеркнуто и навсегда забыто, зато папашин дом сияет желтым теплым светом.

Дружная семейка собралась за ужином. Идиллия.

С досадой потираю шею и сплевываю в темноту — «папина радость» чуть не удушила меня в приступе истерики, и мне пришлось проводить ее до самой калитки. Я дал слабину, когда она повисла на мне, испугался за нее, усомнился в своем отношении в ней, проникся сочувствием.

Пару мгновений я обнимал ее искренне, потому что когда-то давно умел сопереживать людям, но теперь недоумеваю: что за гребаный цирк она устроила?

Яна тоже иногда притворялась слабой и беззащитной, но делала это так тонко, что я, даже просекая все ее уловки, не мог устоять и потакал капризам.

Ну а Гафарова исполнила все так топорно, что мне сейчас и смешно и тошно. Интересно, она реально принимает меня за дебила и считает, что после такого я упаду к ее кривым ногам?

Щелкаю зажигалкой и глубоко затягиваюсь. Зеленоватый след огонька еще несколько минут мелькает перед глазами, обманывая зрение.

Итак, девочка сравнила меня с вещью. Все же она проницательная — сразу просекла, что я реально всю жизнь был вещью, которую родители рвали на части. Главным аргументом в их скандалах.

Но в одном «папина радость» ошиблась. Я — не «хороший».

Посмотрим, как она запоеет через месяц.

Вглядываюсь в безмолвный ледяной космос, нависший над городом, считаю звезды и убиваю сигареты.

Однажды отец, запалив меня за курением, разразился истерическими воплями и пообещал урыть, если еще хоть раз учует запах. С тех пор я укуриваюсь до легкой дурноты. Каждый день.

Он всегда считал, что лучше знает, как мне жить. Читал нотации, доставал «мужскими» разговорами, настаивал на крутом московском вузе и обещал безоблачное будущее, ес-

ли я буду придерживаться заданного им курса. Я верил ему, пока не понял, что его слова ничего не значат.

Моя девчонка сейчас в столице, и мы могли бы быть вместе.

На секунду память выдает ее глаза, полные слез, и мою циничную отповедь на ее предложение забить на обстоятельства и продолжать встречаться. Черт знает, может, я сам во всем виноват, но держать ее при себе, не имея шансов преуспеть в этой жизни, было бы куда циничнее.

Теперь, вместо того чтобы покорять новые горизонты, я, словно хиккан, сижу на задворках и наблюдаю, как засыпает коттеджный поселок, как гаснут огни, как над ним разверзается плотная, непроглядная, гнетущая пустота.

Коротко жужжит телефон, словив отголосок фантомной радости, быстро достаю его, но, прищурившись, наблюдаю на экране лишь тупое сообщение с желтым смайликом.

Страхиваю пепел и сдавленно смеюсь.

Влюбленная дурочка, нищета и дикая злость — это все, что теперь мне может предложить мир.

Дома бардак — воняет потными носками, залежи жирной посуды догнивают в раковине, в холодильнике повесилась мышь, и я обреченно завариваю бич-пакет. У матери тусуется Валерон — из-за двери «будуара» доносится бормотание и ее чересчур радостный смех.

Этот придурок боится меня как огня, но я не стану вхо-

дить и обламывать мать — получить от нее комментарий по поводу скопившихся долгов все равно не получится, а вот риск нарваться на еще одну не слишком достоверную истерику очень велик.

Молча прохожу к себе, включая настенный светильник и, обжигаясь и матерясь, принимаюсь за еду.

Меня окружают неразобранные коробки, скопившийся за пару лет неопознанный хлам, учебники, тетради, ворохи бумаг и ковер из фоток, уже покрывшийся слоем пыли.

Мы обрастаем грязью и ничего не пытаемся менять. Мы до сих пор не верим, что все это происходит с нами наяву, и ждем, что прошлое вернется.

Отставляю пустую тарелку, убираю чертовы фотки обратно в альбом, стягиваю хулак и, прихватив ноутбук, сажусь на диван. Нужно подготовиться к завтрашнему семинару, но в голову упорно лезут посторонние мысли — дурочка с ее преданным томным взглядом и навязчивым теплом не дает сосредоточиться на материале.

Она уже готова отдаться мне прямо посреди шараги, и спортивный интерес почти угас. Я бы, пожалуй, сказал ей, что знаю о споре и у нее нет шансов, но ею слишком дорожит папочка...

Подтверждая известную поговорку, он тут же звонит.

По обыкновению, я собираюсь сбросить вызов, но вдруг осознаю, что теперь уж точно смогу его достать, и все же подношу телефон к уху:

— Да.

— Ух. Славик, здравствуй. Рад слышать. — Его голос выдает волнение, но это естественно после всего, что он наворотил. — Ну, как ты, сын? Надеялся, что выйдешь на связь, и вот... Спасибо. Мать вообще ничего о тебе не рассказывает — якобы ты запрещаешь. Бред какой-то. Я заходил недавно, но... ты был на занятиях. И... все же, где ты учишься? Может, нужна какая-то помощь?

— В Сорбонне, — отвечаю я, но он не выкупает прикола.

— Слав, послушай. Давай назад. Твоя мать — взрослая баба, она справится. Найдет работу и включит голову. Я обеспечил ее жильем, отвалил сумму, которой при разумных тратах хватило бы на целую жизнь. Я больше ничего ей не должен. Но твой дом — здесь.

— Разве? — Я перевожу дыхание, чтобы не послать его подальше, и ржу: — Поселишь меня в одной комнате с новой «доброй и отзывчивой» дочкой? Не боишься за ее честь?

Мои слова действуют на него как красная тряпка на быка, впрочем, ничего иного я не ожидал.

— Тебе девятнадцатый год. Здоровый парень, а ломаешься как девочка. Стыдно за тебя. Ломайся и дальше, но покажись тут, обозначься — Наташа очень переживает. И вещи твои... тебе пригодятся, так что заberi хотя бы их, — рычит он, и я шокирую его сменой тактики.

— Ладно, окей. Уговорил. Нанесу визит вежливости до конца месяца. Я сам позвоню.

Отключаюсь, бросаю телефон на стол и, несмотря на еле слышную боль в висках, улыбаюсь. Я управлюсь даже раньше. Тем более что тупая добыча сама приплыла мне в руки.

С утра, для усиления эффекта безнадеги и беспросветности, город накрывает хреновая погода — ветер и дождь сотрясают гнилые рамы, и башка начинает раскаливаться уже за завтраком, состоящем из холодного кофе и сыра на черством батоне.

Заспанная мать выплывает на кухню, но, завидев меня, запахивает легкомысленный халат и пытается ретироваться. Кажется, в объятиях Валерона она вообще забыла, что я существую.

Грохаю чашкой по столу и припечатываю ее тяжелым взглядом.

— Я видел счета. Ты что творишь, ма?

— Ты бы лучше работу подыскал! — Она действует по привычному сценарию — взвизгивается, переводит стрелки на других и утирает крокодильи слезы. — Чем был плох тот ресторан, а? Не смог наступить на горло своему самолюбию, аристократ недоделанный? Ты два года нигде не задерживаешься, разве это не повод задуматься и покопаться в себе? Не надо выставлять меня крайней!

В нашей семье мама всегда исполняла роль «слабой девочки» — ходила по магазинам и салонам, общалась с подругами, путешествовала, вела личный блог, иногда снисхо-

дила до готовки, но талантами в этой области не блистала. Она пустая и недалекая, но я несу за нее ответственность — без меня мать пропадет. А папаше бы следовало вспомнить, что все мы в ответе за тех, кого приручили.

Мы в ответе за тех, кого приручили...

Со дна души поднимается муть.

Уставившись в горький омут дешманского кофе, молча выслушиваю оскорбления, встаю, зашнуровываю берцы и, пнув вонючие кроссовки Валерона, вытряхиваюсь в подъезд.

Худак моментально намокает под дождем, на голову сапогом давит серое небо, стаи черных птиц рябят в нем, улетаая в жаркие страны. Мне тесно и душно, и мысль о самовыпиле, прочно засевшая на подкорке, больше не кажется ужасной или глупой.

На занятиях я ожесточенно спорю с преподам и ловлю испуганные взгляды одноклассников, на переменах дремлю за партой или убиваюсь никотином за территорией шараги.

Вина и стыд, всколыхнувшиеся за завтраком, изматывают — я стараюсь не пересекаться с «папиной радостью» и чувствую себя максимально погано.

Но после третьей пары вижу, как она рассекает по коридорам в компании товаров, матерится и гогочет, и сомнения хорошего мальчика улечиваются. Эта шаболда заслуживает мести.

Я сваливаю одним из первых — набрасываю на башку капюшон, выхожу в сырость осеннего вечера и, зажав зубами

сигарету, спешу домой.

Надо подумать о насущном — перелопатить сайты и найти подработку. А еще — обратиться в комнату, потому что скоро путь в дом отца мне будет заказан.

Но настроение взлетает до небес, а азарт зудит в кулаках — я бы все отдал, лишь бы посмотреть на сокрушенного папашу и рассмеяться в его перекошенное от гнева и бессилия лицо.

За спиной шаркают шаги, кто-то тяжело дышит и бесцеремонно хватается меня за локоть.

Резко оглядываюсь — позади, гипнотизируя мутным преданным взглядом, с ноги на ногу переминается дурочка. За пазухой моего пальто надрывается котенок.

— У тебя закончились занятия? — улыбается она, вставая слишком близко, и я киваю. — Везет. А у меня еще пара. Слушай, возьми его на передержку. Я посоветуюсь с мамой и, если она разрешит, заберу чуть позже. Глянь, он тоже красивый.

Котенок вопит и цепляется когтями за драп воротника, рвет блузку и оставляет на шее дурочки багровые полосы, но она не реагирует. Покачиваясь, заглядывает мне в глаза и кусает губы.

— Да без проблем... — отвечаю ей по инерции и протягиваю руку. Я люблю зверей, и она сейчас нехило похожа на этого облезлого кота.

Просияв, она выдирает его из-за пазухи и передает мне.

— Кстати, его зовут Славик. В честь парня, которого я бы хотела полюбить.

Дурочка разворачивается на каблуках и, спотыкаясь и озираясь вокруг, тащится к ступеням, а я глажу зашуганного зверя и тихо офигеваю.

Она хотела бы полюбить меня?..

Ну уж нет. Я не дам ей такой возможности.

Мать — в пеньюаре и клеенчатой шапочке — бродит по прихожей, заламывает руки, ноет и жалуется, что Машенька ее избегает, а стилист больше не записывает на удобное время, поэтому приходится красить волосы самой, но, завидев мое приобретение, меняет тему:

— Это еще кто? На фига он здесь?

— Это Славик, — сообщаю я, сбрасываю рюкзак и ботинки и прохожу в комнату.

— Слав, ты совсем башкой поехал, сыночка? Только зверинца нам тут не хватало! — нудит мать вслед, а кот по-своему ловит шнурок на моем капюшоне и громко мурлычет.

12 (Регина)

Под заунывный аккомпанемент затяжного дождя изучаю содержимое шкафа — футболки, худи, свитера и пиджаки из дорогих коллекций — и окончательно убеждаюсь, что у моего сводного брата исключительный вкус: тонкий, изысканный, шикарный.

И я не смею переселять его вещи в общую гардеробную — осторожно дотрагиваюсь до них, касаюсь щекой, закрываю глаза и вдыхаю приятный и странно знакомый, вселяющий спокойствие аромат.

Должно быть, Славик умный, начитанный, интересный и очень, очень-очень красивый.

Мои наряды, занявшие другую половину ниши, выглядят аляповато и жалко, и оправдания, что это винтаж, даже мне самой не кажутся вескими.

Возможно, они просто не на своем месте...

Ощущение, что я попала в чужой сон, и пробуждение будет болезненным, не оставляет — вспоминаю искаженное болью лицо Свята во время рассказа о бросившем его отце, и вина перед Славой опалает душу — а вдруг он точно так же злится на нас?

Я обязательно попрошу у Андрея телефон его сына, встречу с ним, пообщаюсь и попробую развеять тяжкие сомнения — только бы он согласился меня выслушать.

Стремительно темнеет, первые желтые листья трепещут на кронах огромных тополей, выписывают в воздухе замысловатые траектории и плавно приземляются на газон.

Осень вступает в свои права. Несколько месяцев нас будет окружать серость.

Сто, нет, двести оттенков серости.

А я ненавижу ее — в ней не за что зацепиться взгляду.

Все выходные мы с мамой читали книги, готовили блюда корейской кухни и болтали обо всем на свете. А наедине с собой я плакала, гипнотизируя черный экран телефона, но Свят так и не ответил на звонки и сообщения.

Он сделал первый шаг, отпустил настороженность и открыл душу, даже поцеловал, но моя истерика, кажется, окончательно отпугнула его.

Я как сумасшедшая надеялась, что крутой мозгоправ совершит чудо: научит меня смело гулять по незнакомым улицам, избавит от привычки примерять чужие маски, подскажет, как правильно вести себя на людях, но нечаянно услышанный разговор родителей породил немало сомнений.

«...Нужен еще один этап реабилитации...»

К несчастью, это очевидно и мне, но я гоню прочь дурные мысли.

Теперь в голове только Свят. Думать о нем, его руках, губах и глазах намного приятнее.

Мама отложила решение вопроса с котенком до приезда мужа, но я даже рада такому повороту — завтра у меня бу-

дет повод пообщаться со Святом. И в груди теплится робкая надежда.

Он приютил котенка.

Его доброй душе одиноко за ледяными стенами...

Я так хочу обнять его, прижаться посильнее, хотя бы на миг, избавиться от боли, и сердце ноет и рвется наружу из клетки ребер.

А еще я выторговала у мамы поход за хлебом — в этом городе мне известны лишь простые прямые пути, но я стремлюсь к самостоятельности, и родители, следуя рекомендациям врача, не препятствуют.

Им вовсе не обязательно знать, что на самом деле мне необходимо пополнить запас сиг, иначе придется стрелять их у Кэт, но это сокрушительно ударит по моей и без того не слишком чистой репутации.

Несмотря на понедельник, просыпаюсь легко — погода прояснилась, небо очистилось от туч, а мысли — от хандры.

Комнаты залиты ярким светом, мама выглядит молодо, свежо и стильно, завтрак оказывается божественно вкусным, а колготки со швом-стрелкой, мини и открытый топ невероятно идут мне.

От души благодарю маму за все, что она для меня делает, прикрываю плечи надежным пальто Славика и подмигиваю отражению в зеркале. Сегодня я роковая красотка.

Солнце сияет во всю мощь — шурясь даже под черными

очками, я спешу к остановке и влезая в пустой автобус.

Все складывается замечательно, и шестым чувством я улавливаю витающее в воздухе волшебство — скоро произойдет что-то хорошее.

Возможно, оно будет как-то связано со Святославом, и я умоляю провидение устроить нам встречу.

Во время долгих прогулок мама помогла мне найти отличительные черты у каждого из безликих домов по пути к колледжу — ярко-синий балкон, заросли герани на третьем этаже, неприличное граффити на фасаде, и я теперь сносно ориентируюсь в этой местности.

Прекрасная погода настраивает на романтику и милые глупости, я мечтаю вернуться в то невероятное уединенное место, где Свят коротает вечера и приводит себя в норму, но едва ли он снова рискнет привести туда ненормальную вроде меня...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.